

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

А. В. Войтов, В. В. Гордиенко

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
И ПРЕСТУПНОСТЬ:
ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Учебное пособие

Волгоград
ВА МВД России
2024

УДК 316.334.2(075.8)
ББК 60.561.2я73
В 65

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Войтов, А. В.

В 65 Экономическая социология и преступность: опыт междисциплинарного исследования : учебное пособие / А. В. Войтов, В. В. Гордиенко. – Волгоград : ВА МВД России, 2024. – 76 с.

ISBN 978-5-7899-1550-9

Учебное пособие содержит ответы на вопросы, знание которых поможет выпускникам образовательных организаций МВД России сформировать компетенции в области экономической социологии, развить критическое мышление, аналитические навыки и способность к практическому применению социологических методов в экономике.

Издание адресовано курсантам и слушателям образовательных организаций системы МВД России.

УДК 316.334.2(075.8)
ББК 60.561.2я73

Рецензенты: начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России кандидат философских наук, доцент *А. А. Исаев*; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат социологических наук, доцент *О. В. Чернышёва*.

ISBN 978-5-7899-1550-9

© Войтов А. В., Гордиенко В. В., 2024
© Волгоградская академия МВД России, 2024

Оглавление

Введение.....	4
§ 1. Экономическая социология и ее предмет.....	5
История развития экономической социологии.....	5
Экономическая социология как наука.....	8
Теоретические основы экономической социологии.....	12
§ 2. Преступность в социологическом контексте.....	21
Социальные факторы, влияющие на преступность.....	27
Взаимосвязь экономических процессов и преступности.....	34
§ 3. Методы междисциплинарного исследования преступности.....	38
Качественные методы исследования.....	42
Количественные методы исследования.....	43
§ 4. Институциональные основы экономической преступности.....	46
Особенности поведения экономических агентов, факторы, на него влияющие.....	46
Цена подчинения закону и цена внезаконности.....	58
Частная теория запрета.....	64
Заключение.....	71
Список рекомендуемой литературы.....	73

Введение

Современное научное знание характеризуется ростом междисциплинарных исследований как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Данный фактор позволяет не только обогатить сами науки, но и раскрыть новые грани изучения как экономических, так и социальных объектов. На стыке социологии и экономики возникает экономическая социология, которая приобретает особую актуальность в исследовании комплексных и многоуровневых проблем современного общества.

Помимо изучения классических для экономики и социологии проблем и вопросов, экономическая социология вносит новое междисциплинарное понимание в такие вопросы, как экономическое неравенство и социальная справедливость; анализ организаций и предприятий; политико-экономические интеракции.

Экономическая социология исследует, как экономическая среда, бедность, безработица, особенности рынков труда и другие социально-экономические факторы влияют на риски преступности; как изменения в экономической структуре, глобализация, неравномерное развитие и другие экономические факторы могут влиять на виды и уровни преступности. Она помогает понять взаимосвязь между динамикой экономики и преступностью, включая транснациональные преступные сети и экономические преступления.

Экономическая социология анализирует, как социальные неравенства и диспропорции в доступе к ресурсам, возможностям и привилегиям могут быть связаны с повышенными рисками преступности. Она изучает влияние социальных классов, этнической и половой дискриминации, образования, здравоохранения и других факторов на преступность.

Кроме того, экономическая социология анализирует взаимодействие организаций, бизнес-структур, корпораций и криминальных сетей. Она исследует, как поведение и структуры организаций могут способствовать экономическим преступлениям, коррупции и другим формам незаконной деятельности.

§ 1. Экономическая социология и ее предмет

История развития экономической социологии

Экономическая социология зародилась в США в середине 50-х годов прошлого века. Ее возникновение было подготовлено предшествующим развитием науки и общества. Еще в начале 30-х годов XX в. стало понятно, что крупное машинное производство приближается к наивысшему пределу интенсивного использования физических возможностей работников. Это привело к тому, что акцент в области управления все более стал перемещаться в сторону эксплуатации интеллектуального и психологического потенциала, разрешения социальных противоречий. Это в свою очередь стимулировало возникновение новых направлений социологии.

Во второй половине XX в. увеличение масштабов производства, усложнение экономических связей, а также решение социальных задач обострило проблемы, связанные с управлением трудовым поведением. Выросла зависимость товаропроизводителей от колебаний рынков, государственного регулирования, общего состояния экономики. Все это вызвало рост коренных социальных противоречий, повысило спрос на комплексные исследования способов оптимизации управления человеческим фактором.

Можно выделить три основных условия, способствующих зарождению экономической социологии¹:

1. Широкий круг идей, концепций, выработанных в рамках экономической науки. Социологическая составляющая в экономической науке нашла свое отражение в ее институциональном направлении, сформировавшемся на западе в первой половине XX в. Представители институциональной школы (М. Вебер, Д. Комоно и др.) исследуют экономические процессы, происходящие в жизни общества, учитывая то влияние, которое на них оказывают интересы различных групп, конфликты, возникающие в социальных группах, государственное вмешательство в экономику, принуждение, проводимая социально-экономическая политика и др. Экономика в рамках данного подхода представлена как часть институциональ-

¹ Экономическая социология и перестройка / общ. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. С. 6.

ной системы. Экономистами-социологами делается акцент на то, что характер поведения субъектов экономических отношений, ценностные ориентации, мотивы формируются не только под влиянием изменений экономических структур, но и под влиянием изменений в культурной среде. Дальнейшая социализация экономической науки в развитых странах запада и экономический кризис 60-х годов XX в. способствовали становлению экономической социологии как самостоятельной дисциплины.

2. Система социальных категорий, используемых в экономической социологии. В общей (теоретической) социологии была разработана обширная система социологических категорий, которая способствовала появлению языка, используемого экономической социологией. Поэтому категорийный аппарат, используемый экономической социологией, значительно богаче. Этот аппарат позволяет в рамках экономической социологии определить множество социальных связей в экономической сфере, которые до возникновения экономической социологии не изучались другими науками (например, ценностные аспекты власти).

3. Конкретная социология середины прошлого века. Новые концепции в социологии, получившие свое развитие в результате изучения специальных проблем, таких как проблемы функционирования организации, проблемы взаимоотношений в трудовом коллективе, проблемы занятости, управления и др., обогатили экономическую социологию. Взаимное влияние экономической и неэкономической сфер изучается с использованием «социологических переменных» как инструмента, позволяющего увидеть социологическое содержание в связях между этими сферами: ценностями, нормами, мотивациями и т. д. Согласно определению Дж. Н. Смелзера, это применение общей системы координат в экономической социологии. Переменная и объяснительная модель в социологии для изучения различных комплексов деятельности, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением ограниченных материальных ресурсов. Во-первых, мы исследуем, как различные виды экономической деятельности структурированы по ролям и сообществам, какие ценности вступают в игру для их легитимации, какими ролями и санкциями они регулируются и как эти переменные взаимодействуют друг с другом. Во-вторых, социологические «системы отсчета» применяются для анализа связей между экономической

и неэкономической сферами общественной жизни. Таким образом, можно наблюдать два противоположных процесса – интеграции и дивергенции, которые в свою очередь формируют два типа социально-экономических структур.

Экономическая социология как наука

За последние 30 лет экономическая социология превратилась в яркую и заметную отрасль, которую социологи применяют все чаще. Вместе с тем ученые стали гораздо чаще использовать социальные теории для изучения экономики. Ученые бросили вызов разделению экономики и общества, чтобы показать, как социальные механизмы ограничивают, делают возможными, дополняют и конституируют экономические явления, опираясь на наставление Грановеттера¹ о том, что экономическая жизнь встроена в социальную жизнь. Экономические социологи определили социальные механизмы, такие как сети, институты и мораль, которые обеспечивают контексты, каналы и категории, неотъемлемые для экономических действий.

Экономическая социология – это исследование того, как производство и потребление, определяющие материальную жизнь, зависят от социальных процессов в своей структуре и динамике. Чаще всего исследователи выделяют два направления социально-экономических исследований в рамках данной междисциплинарной науки: социологию рынков и социологию потребления. Социология рынков изучает разнообразные интеракции участников рынка и сторонних организаций, направленные на решение проблем производства и обмена. В то же время уделяется достаточно внимания изучению структуры рынка, его институционализации, сетевой коммуникации как внутри рынка, так и за его пределами. Важным для данной работы является понимание теневых рынков, особенностей их функционирования в современном обществе и другие аспекты подобного явления, которое может рассматриваться как преступное поведение в экономической сфере.

Социология потребления фокусируется на том, что товары и услуги значат для потребителей и как они используют их в качестве средства отличить себя от других, формируя образ жизни. Экономическая социология в данном случае обращает особое внимание на набор формальных правил и неформальных соглашений, которые регулируют отношения между конкурентами, поставщиками и клиентами. Эти

¹ См.: Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. № 91. P. 481–510.

правила и договоренности определяют взаимодействие, облегчают торговлю, определяют, какие продукты производятся, иногда представляют собой сами продукты и обеспечивают стабильность для покупателей, продавцов и производителей. Немаловажную роль в социологии потребления играют неформальные институты и организации, которые порой могут граничить с преступными группировками и теневыми участниками экономического обмена. В современном капитализме функционирование рынков также зависит от правил, законов и широкого круга культурных воздействий¹. Один из способов понять это состоит в том, что участники рынка формируют воспроизводимые ролевые структуры, т. е. наборы узнаваемых участников, которые занимают определенные позиции (например, действующий лидер рынка или новичок-претендент) и регулярно взаимодействуют с течением времени. Эта точка зрения открывает вопросы, лежащие в основе социологии рынков. Какие общие проблемы необходимо решить для возникновения рынков? Как стабилизируются ролевые структуры? Как развиваются рынки? Как они умирают или трансформируются в другие рынки? Какова роль государств в строительстве и обслуживании рынков? Существуют различные социологические теории, которые обсуждают эти вопросы и предлагают альтернативные способы и решения.

Рынки как самовоспроизводящиеся ролевые структуры могут возникнуть без вмешательства государства. До современной эпохи обширные отношения между участниками рынка делали возможными такие отношения, которые часто зависели от общего родства, этнической принадлежности и религии. Эти общие черты создавали некое доверие, которое позволяло акторам контролировать друг друга и предлагало способы урегулирования обид. Неформальные правила и местные культуры возникают внутри отраслей в отношении законного способа организации фирмы, конкуренции с другими фирмами, а также возможностями покупать и продавать продукцию.

В то время как неоклассическая экономика утверждает, что цена — это постоянно возникающий феномен, управляемый невидимой рукой рынка, экономические социологи утверждают, что цена — это

¹ См.: Fligstein N. The Architecture of Markets. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

результат социальных отношений и общего понимания между участниками рынка. Производители будут использовать ряд социальных стратегий, таких как дифференциация продукции, сговор и кооптация, вместо того, чтобы принимать участие в дестабилизации ценовой конкуренции.

Основная идея рынков заключается в том, что участники рынка встроены в социальные отношения, которые определяют их роль в столь сложных и многоуровневых коммуникациях и интеракциях. Экономические социологи определяют рынки как социально сконструированные арены, где происходит повторяющийся обмен между покупателями и продавцами. Важной теорией становится теория изоморфизма, которая обращает внимание на организационные формы и бизнес-модели законных фирм в этой области в попытках заручиться поддержкой клиентов и поставщиков ресурсов¹. Это миметическое давление часто приводит к широкому принятию определенных эвристик и моделей экономического поведения. Теория перформативности предполагает, что рынок, его участники, часто прошедшие обучение в лучших в мире бизнес-школах, импортируют формальные экономические теории и модели в свою местную рыночную культуру². В отраслях, где подобные модели получили широкую поддержку, рыночные активисты реализуют теорию, превращая экономическую дисциплину в источник развития, а не стороннего наблюдателя.

Преступность и девиантное поведение отдельных личностей или целых социальных групп в социально-экономических отношениях вносят существенные коррективы в развития рынков. Все другие участники подобных интеракций должны учитывать риски и последствия подобных вмешательств. Наконец, реагируя на директивы правительства и пытаясь кооптировать правительственные учреждения, фирмы также могут обеспечить свое будущее.

Экономическая социология в последние десятилетия активно развивается и приобретает все большую популярность. Важными исследованиями в этой области являются работы Марка Грановеттера, Пьера Бурдьё, Дугласа Норта, Гарри Колемана и других ученых.

¹ См.: DiMaggio P., Powell W. W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. № 48. P. 147–160.

² См.: Callon M. The Laws of the Markets. London: Blackwell Publishers, 1998.

Экономическая социология использует методы и подходы социологии для изучения экономических явлений и процессов. Наиболее востребованными оказываются качественные и количественные методы исследования, в том числе социальные опросы, анализ данных и моделирование развития социально-экономической системы.

Теоретические основы экономической социологии

Существует несколько подходов к изучению рыночных процессов и их социальных причин и последствий. Всего можно выделить четыре научные школы, каждая из которых предлагает различные концептуальные инструменты для понимания того, что происходит на рынках. В то же время есть совпадения в их анализе социально-экономических процессов, их причин и последствий. Например, институциональная теория и политическая экономия подчеркивают роль государства в построении рынков. Сетевой анализ и институциональная теория исследуют, как сети, составляющие социальные структуры, передают рыночную информацию, определяют стандартные операционные процедуры и порождают доверие. Рыночное устройство и использование экономики как способа структурирования рынков прекрасно согласуются с акцентом институциональной теории на социальном конструировании рынков. Наконец, правительства часто обеспечивают легитимацию и даже принимают законы и правила для конкретных рыночных устройств, которые будут развиваться и внедряться.

1. Сетевой анализ – это научный подход, набор методов, позволяющий отображать данные и способ изучения социальных механизмов, с помощью которых решаются ключевые рыночные проблемы. Если для социологии основное понимание рынков заключается в том, что участники рынка вовлечены в социальные отношения, которые определяют их статусы и роли, то сетевой анализ является отправной точкой для картирования этих отношений¹. Формальные методы сетевого анализа продемонстрировали, как отношения между акторами помогают объяснить, что они будут делать: кого они наймут, с кем они будут торговать товарами и обмениваться капиталом. Сети также служат проводниками информации, смягчают проблемы доверия и контролируют зависимость от ресурсов. В настоящее время твердо установлено, что связи между участниками могут влиять на цены, повышать вероятность того, что фирмы с хорошими связями выживут. Это помогает участникам

¹ См.: Powell W.W., Smith-Doerr L. Networks and economic life // The Handbook of Economic Sociology / Eds. N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 373–403.

рынка конкурировать и находить более «комфортных» клиентов и поставщиков.

2. Институциональная теория делает упор на неформальное понимание и когнитивные рамки, которые формируют социальную структуру рынков. Институциональные теоретики часто концептуализируют рынки как поля, где фирмы наблюдают друг за другом, подражают друг другу и создают ниши для воспроизведения своих позиций¹. Наблюдательный и рефлексивный характер поведения фирм часто может смягчить конкуренцию и стабилизировать рынки. Однако институты редко бывают полностью устоявшимися или воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Даже стабильные институты находятся в состоянии постоянной конкуренции, поскольку различные заинтересованные стороны, такие как фирмы, торговые ассоциации, профсоюзы, академические или профессиональные эксперты и общественные организации, создают резонансные рамки и мобилизуют ресурсы для изменения законов штата, реконструкции категорий продуктов и формирования лучших отраслевых практик. Институциональная теория также подчеркивает, как действуют формальные законы. Правила, а также действия государств и судов имеют глубокие последствия для структуры рынка². С этой точки зрения государства и рынка тесно связаны. Более того, фирмы могут обращаться за помощью к государствам. Когда действующие компании успешно формируют правила, регулирующие их отрасль, они могут со временем воспроизвести свои лидирующие позиции. Институциональная теория подчеркивает не только то, как государства устанавливают правила и обеспечивают соблюдение санкций, но также и то, как они определяют, какие типы продуктов подходят для обмена. Ученые с институционалистской точки зрения также изучают, как внутренняя динамика государств влияет на способы их вмешательства в рынки. Структура судов, министерств и регулирующих органов, а также борьба между партиями и политическими фракциями – все это проявления вмеша-

¹ См.: DiMaggio P., Powell W. W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. № 48. P. 147–160.

² См.: Dobbin F. Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the Railway Age. New York: Cambridge University Press, 1994.

тельства государства. Экономические социологи признают важную роль, которую государство играет в поддержке и наказании рыночных институтов. Государства предоставляют права собственности, обеспечивают соблюдение контрактов, регулируют сотрудничество и конкуренцию и устанавливают стандартизированные правила обмена. Ученые отмечают, что эволюция и построение государственной структуры и формирование структуры рынка являются коэволюционными процессами и что политическая стабильность является предпосылкой роста рынка¹. Государственный запрет на определенные товары, такие как наркотики, оружие, секс, торговля людьми и убийство людей, отправляет покупателей и продавцов этих товаров на нестабильный и бедный ресурсами черный рынок². Государство обладает широким кругом возможностей использовать политику для формирования как конкурентной среды отраслей, так и организационных форм фирм. Американский исследователь Нэил Флигштейн³ показывает, как в конце XIX в. американское правительство использовало антимонопольное законодательство и законы, способствующие конкуренции и разрушению картелей, Фрэнк Доббин⁴ показывает, как государственная политика в начале XX в. сыграла решающую роль в формировании организационных форм железнодорожных компаний. Политическая экономия стала пионером в размышлениях о связях между государствами, правом и рынками, а также исторического возникновения систем управления.

Политическая экономическая литература по «сравнительному капитализму» (сравнительное исследование капиталистических механизмов и их влияния на различные результаты, включая экономическое развитие) является фундаментальной частью социологии рынков⁵. Эта литература показала, что отношения между прави-

¹ См.: Crouch C., Streeck W. *Political Economy of Modern Capitalism*. London: Sage, 1997.

² См.: Fourcade M., Healy K. Moral views of market society // *Annual Review of Sociology*. 2001. № 33. P. 285–311.

³ См.: Fligstein N. *The Transformation of Corporate Control*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

⁴ См.: Dobbin F. *Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the Railway Age*. New York: Cambridge University Press, 1994.

⁵ См.: Hall P. A., Soskice D. W. *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001.

тельствами, рабочими и капиталистами резко менялись с течением времени. Изменения также наблюдались и в зависимости от географического положения. Важным замечанием данной позиции является то, что экономические траектории часто связаны с культурными и национальными особенностями. Рынки – это социальные и политические конструкции, отражающие культуру страны, историю ее классовых отношений, а также различные вмешательства, которые его правительства осуществляли на протяжении всей истории¹. С этой точки зрения каждая национальная система капитализма образует интегрированное целое: запутанный набор институтов, таких как системы трудовых отношений, способы распределения капитала и корпоративный контроль, рынки ценных бумаг и системы банковского кредитования образования, обучение, налоговые системы, а также собственность государства в ключевых отраслях и его вовлеченность в участие в подобных процессах. В политэкономической литературе наиболее откровенно пытались понять, какие системы обеспечивают наиболее устойчивый экономический рост. Ученые зафиксировали существование различных национальных систем капитализма, однако возникли сложности с тем, как их классифицировать по категориям, например, на основе национального протекционизма, уровня государственного вмешательства и способов распределения капитала между фирмами².

Однако, начиная с краха коммунизма в конце 1980-х годов, стал появляться целый ряд исследований, утверждающих, что различия между национальными капиталистическими системами вскоре исчезнут. Эти исследования предсказали, что это будет глобальный капитализм. Распространение и барьеры для международной торговли и потоков капитала рухнут, производство и потребление переместятся в страны с наиболее эффективными рыночными институтами, поставив правительства на колени и вынудив быстро перейти к общей либеральной модели капитализма³. Однако это предсказание оказалось ложным. Исследования показывают, что националь-

¹ См.: Fligstein N. *The Architecture of Markets*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

² См.: Crouch C., Streeck W. *Political Economy of Modern Capitalism*. London: Sage, 1997.

³ См.: Strange S. *The Retreat of the State*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.

ные системы капитализма устойчивы даже перед лицом политических и экономических кризисов. Это привело других ученых к выводу, что ключевые особенности этих систем должны позволить фирмам, государствам и работникам эффективно адаптироваться к новым вызовам¹. Ученые также стремились понять экономическую трансформацию в постсоциалистическом мире и других развивающихся странах. Они зафиксировали разрушение устоявшихся социально-экономических институтов в Восточной Европе и России и проанализировали особенности систем, пришедших на их место. Китай также находится в центре внимания постоянных исследований². Основные вопросы в этой литературе связаны с ролью государства на рынке. Исследования показывают, что государства с дезорганизованной бюрократией и плохо оплачиваемыми, некомпетентными бюрократами более склонны к погоне за рентой, чем страны с образованным и более высокооплачиваемым персоналом. Коррупция в подобных государствах встречается гораздо чаще, несмотря порой на крайне суровые последствия. Ученые также согласны с тем, что четкое определение прав собственности и обеспечение верховенства закона важны для развития. Но создать такие институты сверху сложно, они обычно возникают динамично из требований фирм и граждан. Также спорным является взаимосвязь между экономическим развитием и государственными инвестициями в отдельные фирмы и отрасли. В некоторых случаях государства делали это успешно, но потерпели неудачу и напрасно потратили деньги и другие ограниченные ресурсы.

4. Заключительное направление, связанное с устройством рынков, фокусируется на проблеме, которую ни сетевой анализ, ни политическая экономия не способны изучить. Чтобы рынки действительно работали, необходимо создавать, распространять и оценивать продукты. Институты, которые делают это, представляют собой «рыночные механизмы», широко признанные эмпирические правила, инструменты, технологии и теории, которые помогают акторам

¹ См.: Hall P. A., Soskice D. W. *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001.

² См.: Nee V., Oppen S. *Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.

оценивать товары, взвешивать варианты и следовать соответствующим стратегиям на рынке¹.

В литературе представлены как минимум два подхода к восприятию рыночных механизмов. Один из них исходит из идеи, что нам нужны условности, чтобы упростить суждения о цене и качестве. Например, если банк хочет дать займы деньги, он должен оценить кредитоспособность каждого клиента. Со временем рейтинговые агентства развивались, развивались и различные количественные критерии, которые позволяют банкам судить о рискованности кредитов. В коммерческом кредитовании эти рейтинги предполагают присвоение букв от AAA до D корпоративным облигациям. Проблема установления цен является очень общей и имеет далеко идущие последствия для деятельности фирм. Однажды появившись, такие рыночные устройства могут начать жить своей собственной жизнью. Участники рынка используют их не только для того, чтобы решить, что покупать или продавать, но и сравнивают себя и свои достижения с другими. Рейтинги могут подтолкнуть компании к переоценке своих стратегий и тактик, чтобы улучшить свое положение. Это подводит нас ко второму способу создания рыночных устройств: через перформативность экономики². Одно из направлений деятельности, которое оказалось особенно продуктивным, заключалось в изучении того, как принципы и количественные модели экономики могут структурировать финансовые рынки. Например, в экономике существует целый ряд теорий, посвященных тому, как работают различные типы аукционов. Неудивительно, что продавцы используют эти знания для выставления на аукционах предметов, трудно поддающихся оценке. Таким образом, экономическая наука фактически делает возможным рынок таких объектов. В случае фьючерсных контрактов торгуются на биржах. Использование трейдерами деривативов теории Блэка-Шоулза-Мертон для ценообразования деривативов фактически привело к тому, что цены приблизились к значениям, предсказанным теорией Блэка-Шоулза-Мертон. Ученые называют реализацию экономических идей для структурирования рынков перформативностью. Этот ярлык подра-

¹ См.: Biggart N., Beamish T. The economic sociology of conventions // Annual Review of Sociology. 2003. № 29. P. 443–464.

² См.: Callon M. The Laws of the Markets. London: Blackwell Publishers, 1998.

зумевают, что человек сознательно берет идею и воплощает ее в жизнь: буквально, он ее реализует.

Одной из эмпирических площадок, позволяющих оценить аналитическую силу точек зрения, составляющих социологию рынков, является изучение финансовализации и глобализации. Финансализация – это совокупность взаимосвязанных явлений, раскрывающих возрастающую роль финансовых мотивов, финансовых рынков, финансовых инструментов, финансовые субъекты и финансовые институты в операциях внутренней и международной экономики»¹.

Экономическая социология включает растущее доминирование финансовых инструментов в управлении фирмами, способность финансовых рынков диктовать действия фирм и правительств, а также рост и важность международной финансовой системы в распределении капитала по всему миру. По существу, чтобы осмыслить это, необходимо использовать все только что обсужденные точки зрения. Растущее доминирование финансовых инструментов соответствует росту с 1980-х годов оценок акционерной стоимости фирмы, особенно в Соединенных Штатах. Эти инструменты позволяют менеджерам, которые рассматривают фирму через призму баланса, например финансовым директорам, максимизировать акционерную стоимость. Основная идея теории акционерной стоимости заключается в том, что фирмы существуют для того, чтобы обеспечивать прибыль акционерам. Акционеров публичных корпораций волнуют, прежде всего, два показателя: (1) цена акций и (2) соотношение прибыли к активам. Помня об этом, менеджеры используют ряд инструментов для увеличения этих показателей, включая финансовое проектирование балансов, аутсорсинг, сокращение штатов, инвестиции в технологии, сокращение зарплат и льгот, а также увеличение рабочего времени оставшихся сотрудников. Менеджеры высшего звена часто получают акции и бонусы за достижение финансовых целей. Рост оценок акционерной стоимости и сопутствующее усиление власти менеджеров, ориентированных на финансы (таких как финансовые директора), возникли в результате изменения отношений фирм с финансовыми рынками. Ученые отмечают, что во время движения за слияния 1980-х годов институциональные инвесторы

¹ Epstein G. Financialization and the World Economy. Cheltenham, UK: Edgar Elgar, 2005.

подталкивали управленческие команды к увеличению их прибыльности. Когда менеджеры сопротивлялись, их фирмы становились объектами поглощения. С тех пор отношения между финансовыми рынками и крупнейшими корпорациями стали симбиотическими. Однако переориентация корпораций на акционерную стоимость и финансовые рынки – не единственное проявление финансовой глобализации. Сами финансовые рынки значительно выросли и стали глобально интегрированными. Чистые транснациональные потоки облигаций, банковского капитала, инвестиционного капитала и деривативов затмевают доходы крупных корпораций и даже многих государств. Создание сложных финансовых продуктов и глобализация финансов породили важную новую литературу по экономической социологии. Ученые, занимающиеся инструментами, как правило, теоретически подкованы в исследованиях науки и техники, а также в социальных исследованиях науки в целом, в теории акторно-сетевых отношений и в глубоком понимании технических деталей, которые заставляют рынки работать.

Ученые годами пытались понять, как национальные системы управления реагируют на подобное давление, вызванное финансовой глобализацией и глобализацией. Многие считают неизбежным, что глобальное экономическое давление, включая капризы рынков суверенных облигаций, ограничит степень свободы национальных правительств. Это заставит правительства не только дерегулировать товарные рынки, но и сократить расходы на социальное обеспечение и защиту труда. Однако доказательства в пользу этого предположения о «гонке ко дну» в лучшем случае неоднозначны¹. Несмотря на то, что произошли некоторые изменения в способе правительств регулировать экономику подобным образом, облагать налогом и необоснованно тратить ограниченные ресурсы за последние два десятилетия, в разных странах не сформировалось последовательной теоретико-эмпирической траектории. Системы капитализма во многих национальных государствах изменились в ответ на это давление, как правило, путем изменения существующих национальных.

¹ См.: Strange S. The Retreat of the State. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.

Экономическая социология обогатила способность понимать поведение отдельных лиц и домохозяйств, фирм, рынков и национальных систем капитализма. На микроуровне показано, насколько важную роль в структурировании различных экономических процессов играют постоянные межличностные отношения. На мезоуровне он описывает, как устоявшиеся отрасли полагаются на институциональную архитектуру, формальные и неформальные системы правил, чтобы сделать жизнь более предсказуемой и решить проблемы, связанные с производством, конкуренцией, оценкой и обменом. На макроуровне это показывает, как исторические различия в законах и нормах государств и национальных культурах способствуют развитию различных форм капитализма, а также формируют различные представления об эффективности.

§ 2. Преступность в социологическом контексте

В научной литературе существует множество оснований для описания природы и механизмов преступной деятельности. Психологические теории тяготели к индивидуальному объяснению преступности, ее истоков и особенностей, которые напрямую связаны с личностью преступника.

С другой стороны, социологам свойственно связывать преступность с деятельностью социальных институтов, в том числе института социализации, изымая индивида и личность и «формулы преступного поведения». Преступность в социологическом контексте рассматривается как социальное явление, изучить которое можно с помощью социологических теорий и методов.

Особое развитие в современном научном сообществе получает теория, которая объясняет преступность как явление, формируемое социальной средой при воздействии не только социальных факторов, происходящее на протяжении всей жизни поколения. Часто исследования подобного явления именуют «исследование криминальной карьеры».

Сущность исследования криминальной карьеры, его предпосылки и перспективы убедительно резюмированы Дэвидом Фаррингтоном, ведущим британским сторонником, следующим образом: «Подход к криминальной карьере по существу связан с развитием человека с течением времени. Однако преступное поведение обычно не проявляется без предупреждения; ему обычно предшествует антиобщественное поведение в детстве (например, издевательства, ложь, прогулы и жестокое обращение с животными) и за которым следует антисоциальное поведение взрослых (например, насилие со стороны супруга, жестокое обращение с детьми и пренебрежение ими, чрезмерное употребление алкоголя и сексуальная распущенность). Слово «антисоциальное», конечно, предполагает оценочное суждение, но вполне вероятно, что оно будет иметь место. Большинство членов западных демократий согласны с тем, что такого рода действия противоречат нормальному функционированию западного общества»¹. Утверждается, что «правонарушение явля-

¹ Farrington David P. Hollin, Clive R. McMurrin Mary. Sex and violence: the psychology of crime and risk assessment. Routledge, 2001. P. 511.

ется частью более широкого синдрома антисоциального поведения, который возникает в детстве и имеет тенденцию сохраняться во взрослой жизни. Кажется, что с течением времени существует преемственность, поскольку антисоциальный ребенок имеет тенденцию становиться антисоциальным подростком, а затем антисоциальным взрослым, точно так же, как антисоциальный взрослый имеет тенденцию производить на свет еще одного антисоциального ребенка»¹.

Таким образом, этот подход предполагает не столько изучение преступности, сколько изучение преступников. Преступниками не рождаются, преступниками становятся. Именно процесс становления преступника можно зафиксировать социологическими методами. Часть факторов, влияющих на подобную социализацию, позволяет обнаружить экономика и экономическая социология.

Социология, как правило, ставит целью анализировать социальные факторы, структуры и процессы, которые способствуют возникновению и распространению преступности. Хотя не менее важно определить само понятие преступности.

Самый очевидный факт о «преступлении» заключается в том, что этот термин используется в различных смыслах. Основные трудности касаются значения понятия «преступление». Многие слова в повседневной речи в некоторой степени и в некоторых контекстах двусмысленны. Но «преступление» и «преступник» для повседневного восприятия выступают относительно понятными терминами. Как отметили бы философы-герменевты, передача идей – не единственная функция языка, ибо, очевидно, «преступник» – это термин, который представляет собой нечто гораздо большее, чем просто описание. Это также слово упрека, осуждения, ругани, стимула к действию и подавления.

В последние время слово «преступник» вошло в общий словарь международной пропаганды: лидеры воюющих стран называют друг друга «преступниками». Стало совершенно очевидно, что ярлык «преступник» следует навешивать на политических врагов, а не на тех, кто причиняет вред личности или собственности.

¹ Farrington David P. Hollin, Clive R. McMurran Mary. Sex and violence: the psychology of crime and risk assessment. Routledge, 2001. P. 513.

В ряде стран мы находим новые уголовные кодексы, выраженные в максимально широких терминах, построенных на широкой аксиоме «социальной защиты». «Преступным поведением» является, соответственно, любое «антиобщественное» поведение, а при фактическом управлении «антиобщественным» становится любое поведение, которое противоречит политике режима. Таким образом, значение слова «преступник» определяется властью, т. е. силой.

В социологии помимо девиантного поведения, отличающегося от общепринятого, но не противоречащего формальным нормам – законам, существует понятие делинквентное поведение. Впервые понятие «делинквентное поведение» было предложено J. Bennet в 1960 г. Данный термин нашел широкое отражение в зарубежной литературе, характеризуя психологическую склонность и тенденцию к правонарушениям (Л. Доддер, Х. Каплан, Б. Шелдон). Само понятие обозначает «действия конкретной личности, отклоняющиеся от установленных в данном обществе и в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях»¹.

В то же время «преступление» – это нарушение уголовного закона, утвержденного государством, в то время как правонарушения запрещены гражданским или частным правом. Многие исследователи обращают внимание на то, что между ними нет существенных различий, возможно, меньше всего на основе степени или важности общественных интересов. Нелегко также продемонстрировать, что наказание характеризует одно явление, а компенсация – другое. Закон в значительной степени определяет процедуры наказания по ходу становления правовой системы. Таким образом, очевидно, что даже будучи ограничено законом, «преступление» имеет настолько разнообразные значения, что, вероятно, самым мудрым решением может стать отказ от всестороннего использования данного понятия в научном дискурсе, вместо этого заменив его множеством конкретных терминов.

Исследование преступности в социологическом контексте помогает лучше понять социальные условия, процессы и взаимосвязи, которые играют роль в возникновении преступности и борьбе с ней.

¹ Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2003. 288 с.

Это позволяет разрабатывать эффективные стратегии предотвращения преступности и строить более справедливое и безопасное общество.

В действительности мы уже продвинулись в нашем понимании преступности далеко за рамки утверждений о ее «относительности»; ведь мы многое знаем о социальных и экономических условиях формирования и проявления преступного поведения, а также технологиях ее формирования в рамках «преступной карьеры» и трансляции на других участников социума. Особенно это справедливо в отношении преступлений против собственности в том виде, в котором они развивались в западном, в частности английском, обществе. Это развитие было проанализировано со ссылкой на коммерческую революцию, начавшуюся в XV в., и более подробно со ссылкой на промышленную революцию. Мы знаем, что из одной нормы, «воровство» (вероятно, по образцу средневекового угона скота), которая первоначально обозначала просто прямое физическое изъятие движимого имущества из чужого владения, по мере социальных и экономических изменений возникло несколько различных норм и новых потребностей. Новые нормы обозначали определенное поведение; когда появились первые, вторые стали преступлениями. С началом современного бизнеса во второй половине XV в. появились перевозчики для доставки товаров в отдаленные пункты. Этим перевозчикам грузы добровольно передавали грузоотправители; следовательно, последующее обращение не будет нарушать закон против воровства, как он был тогда определен и узаконен. Процесс, посредством которого судьи расширили понятие «кражи», включив в него «нарушение объемов» законным владельцем, сохранив, но переопределив старые слова, важен с точки зрения роли политических агентств в формировании преступного поведения. Происхождение нового правонарушения важно также в связи с изменившимися экономическими условиями. Новый закон, определяющий конкретные виды поведения как «преступные».

Коммерческая революция изменила социальную и географическую мобильность населения в относительно статичном обществе прошлого. Слуги, ранее привязанные к поместьям, все чаще похищали ценности своих хозяев и скрывались с ними. Эти вещи находились во владении слуг; следовательно, как и в случае с перевозчиками, конверсия не представляла собой кражу. Но поскольку слуга

обычно находился в помещении хозяина, можно было обозначить физический контроль первого над имуществом как просто «опека» и, таким образом, передать важнейшее «владение» хозяину и, стало быть, разрешить посягательство на чужое владение и «кражу» все той же старой бутылки, но содержащей после этого новое вещество. Вновь формируется иное представление о преступлении и новые преступники, однако важно отметить, что не произвольно, а на рациональных основаниях, чтобы удовлетворить ощущаемые потребности и новое отношение к поведению, которое ранее допускалось, но теперь определенно антисоциально в изменившихся условиях.

«Воровство» представляло собой гораздо более широкий путь адаптации к новым условиям, чем можно кратко обозначить. Достаточно добавить, что в 1780 г., за несколько лет до появления закона о мошенничестве, древняя категория породила новое преступление – «хитрое воровство», когда владение, но не право собственности, передавалось добровольно на основании ложного представления фактов. Закон о преступном мошенничестве имеет большое значение для тесного взаимодействия правовых норм, общественного мнения и меняющихся социальных и экономических условий. Огромные потери на биржевых спекуляциях, когда лопнувшие пузыри привели к осознанию того, что «простое» искажение фактов может нанести ущерб в больших масштабах. Менее чем через 30 лет было обозначено рамками закона уголовное мошенничество. Продолжающиеся потери запасов, исчезновение гильдий, крупномасштабная торговля, покупки у незнакомцев на расстоянии и новая кредитная экономика относятся к числу важных сопутствующих социальных и экономических изменений. Результатом стал новый закон, новые «преступники» были назначены для отбора карательным аппаратом правового контроля. Что касается некоторых людей, возможно, это была чистая случайность, что в один прекрасный день их стали считать респектабельными бизнесменами, а на следующий день – преступниками. Но в целом развитие представляло собой рациональную адаптацию к взаимодействию многих социальных сил, создающих новые социальные проблемы.

Во всех обсуждениях преступлений, как отмечалось выше, описываются определенные факты. Очевидно, что на их восприятие и правовые последствия влияют ценностные суждения и другие интерпретации значимости. Если мы рассмотрим дискурсы уче-

ных, то обнаружим сложную систему объяснений, которая значительно усложняет анализ. Мы можем просто отметить разнообразие этих теорий о природе преступности. В широком смысле они изучаются в физическом, биологическом и социальном плане. Некоторые исследования преступности были полностью посвящены индивидуальным различиям, другие – культурным процессам. Существуют теории, основанные на «интересах» с упором на безопасность, групповое выживание или власть экономически доминирующих классов. Имеются суждения о преступности в категориях табу, дисциплины, сочувственной идентификации с жертвами нападений, этическими принципами и уголовным законодательством, которые ложатся в основу этих теорий. Если мы рассмотрим теоретизирование преступности в хронологическом порядке и для удобства позволим себе некоторые произвольные разделения, мы сможем выделить теологические (Св. Павел, Бернар), этические (Кант), классические (Беккариа), утилитарные (Бентам), формалистические (Остин), позитивистские (Ломброзо, Гарофало, Ферри), различные неомодификации вышеперечисленных, и прагматические версии (Салданья). Очевидно, что эти теории параллельны всей истории западной мысли. Их можно рассматривать как своего рода мнение, поскольку они также отражают фазы общего культурного комплекса, в котором интегрирована преступность.

Социальные факторы, влияющие на преступность

Можно представить преступность как социальное явление в виде схемы (рисунок 1), где также определены факторы, оказывающие на нее влияние.

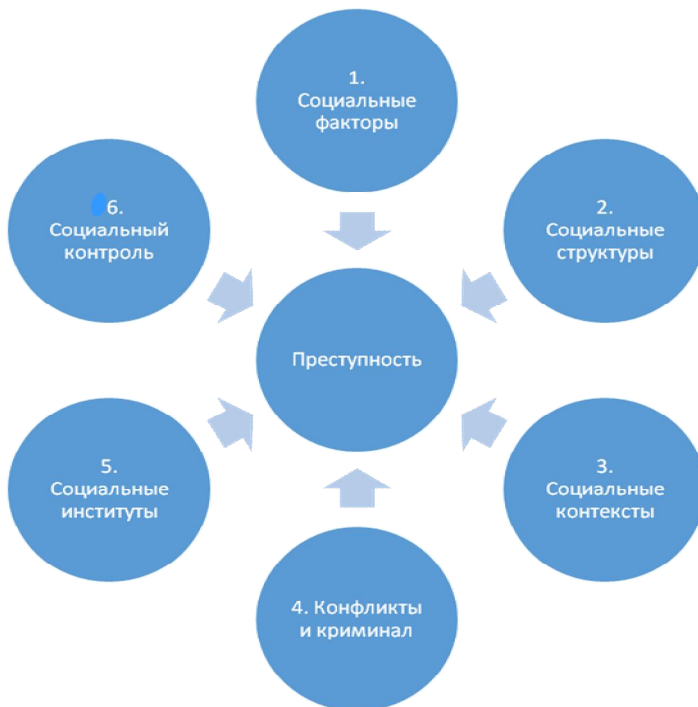

Рис. 1. Факторы, оказывающие влияние на преступность

1. Социальные условия влияют на возникновение преступности. Сюда входят такие аспекты, как социальное неравенство, низкий социально-экономический статус, демографические факторы (возраст, пол, раса, этническая принадлежность), образование, безработица и другие социальные детерминанты.

2. Социальные структуры и институты, такие как семья, образование, работа, медиа и т. д. Эти структуры формируют нормы, ценности и поведение, а также поддерживают или подрывают законопослушность и создают условия для преступности.

3. Социальная среда, в которой возникает и распространяется преступность. Это может быть местное сообщество, городское окружение, район или другая социальная группа.

4. Конфликты и социальные противоречия, особенно когда одни конфликты, например межрелигиозные, порождают другие.

5. Иные общественно-политические институты, такие как полиция, правосудие, тюрьмы и программы ресоциализации.

6. Социальный контроль и реакция на преступность.

Подробное изучение указанных выше факторов, а также ряда иных факторов, так или иначе оказывающих влияние на преступность, может стать предметом научных статей и учебно-методических пособий, однако не является целью данной работы. На наш взгляд, необходимо особенно подробно остановиться на некоторых социальных факторах преступности, а также отметить взаимосвязь экономических процессов и преступности.

Относительная депривация. Фактор относительной депривации фокусируется на относительных различиях в доходах между разными классами общества. Согласно этой точке зрения, люди идентифицируют себя с группой, к которой они принадлежат в обществе. Степень депривации определяется как расстояние между опытом конкретной группы и опытом общества в целом, которое рассматривается как показатель того, на что группа имеет право. В неоклассической экономике люди определяют свои шансы на трудоустройство и доход на основе уровня образования и относительно открытого рынка труда. В модели относительной депривации люди воспринимают свою судьбу как судьбу своих сверстников¹. Когда Данцигер и Уиллер² изучали взаимосвязь между подходом относительной депривации и преступной деятельностью (кража со взломом и грабеж), они обнаружили, что существует положительная связь между неравенством доходов и преступной деятельностью.

Бедность и неравенство. Различия в уровне бедности и богатства обычно рассматриваются как факторы, влияющие на различия

¹ Nickerson G. W. Analytical problems in explaining criminal behavior: Neoclassical and radical economic theories and an alternative formulation // Review of Radical Political Economics. 1983. № 15 (1). P. 1–23.

² Danziger S., & Wheeler, D. The economics of crime: Punishment or income redistribution? // Review of Social Economy. 1975. № 33 (3). P. 113–131.

в уровне преступности. Сторонники федеральных программ «Великого общества» в 1960-х годах считали, что борьба с бедностью в конечном итоге снизит преступность за счет улучшения условий жизни бедных и тем самым уменьшит их участие в преступной деятельности¹.

Чтобы изучить связь между неравенством и преступностью, можно использовать разницу в доходах между богатыми и бедными при измерении уровня преступности в разных городах². Однако Никерсон ставит под сомнение этот подход, основываясь на доказательствах того, что большинство преступлений происходит в бедных сообществах и что бедные часто сами становятся жертвами, а не обеспеченными людьми. Эти преступления проявляются как возможности объяснить меньшие издержки, связанные с совершением преступления на знакомой территории.

Гордон³ утверждает, что капитализм и связанное с ним неравенство способны порождать преступность. Гордон рассматривает преступное поведение как часть структуры капиталистических обществ и социально-экономических конфликтов, возникающих в таком обществе. В результате преступность является результатом попыток бедных создать лучшее существование для себя. Задача здесь заключается в четкой дифференциации между формулировкой относительной бедности Эрлиха и формулой относительной бедности Данцигера.

Безработица. Различные модели исследуют разные взаимосвязи между безработицей и преступностью. Некоторые экономические модели предполагают, что занятость либо снижает альтернативные издержки преступлений, либо увеличивает потребность в пополнении доходов из источников, отличных от легальной занятости.

Радикальные теории предполагают, что безработица увеличивает бедность. Возникающая в итоге депривация снижает издержки преступной деятельности и наказания. Косвенным результатом являет-

¹ См.: Nickerson G. W. Analytical problems in explaining criminal behavior: Neo-classical and radical economic theories and an alternative formulation // Review of Radical Political Economics. 1983. № 15 (1). P. 1–23.

² См.: Ehrlich I. Participation in illegitimate activities: A theoretical and empirical investigation // Journal of Political Economy. 1973. № 81 (3). P. 521–564.

³ См.: Gordon D. Capitalism, class, and crime in America // Crime and Delinquency. 1973. № 19 (2). P. 163–186.

ся увеличение количества конфликтов¹. Если существует значительный разрыв между тем, что, по мнению индивида, достижимо (групповой опыт), и тем, что недостижимо (опыт более широкого общества), индивид воспринимает этот разрыв как относительную депривацию. Следовательно, альтернативные издержки преступности могут быть снижены, поскольку доходы от регулярной занятости считаются минимальными. Напротив, если общество в целом также страдает от безработицы, нехватку возможностей трудоустройства все равно можно считать справедливой. Никерсон, поддерживая этот аргумент, отмечает, что уровень преступности во время Великой депрессии был стабильным или снижался. Торнберри и Кристенсон² (1984) использовали данные продольного когортного исследования преступности в Филадельфии и обнаружили, что безработица существенно влияет на участие в преступной деятельности. Они выяснили, что уровень преступности, особенно преступлений против собственности, выше в периоды высокой безработицы. Другие исследования также находят положительную связь между безработицей и преступностью. Примечательным является исследовательский опыт Кантора и Лэнда³, которые выявили отрицательную связь между безработицей и преступлениями против собственности в Соединенных Штатах, потому что общий спад экономики увеличивает время, проводимое дома, и, значит, способность охранять свою собственность. Одним из недостатков связи занятости с преступностью является то, что эти два вида деятельности считаются независимыми друг от друга. Некоторые преступники (например, торговцы наркотиками) переключаются между легальной и нелегальной работой в зависимости от имеющихся возможностей. Эта слабость становится особенно серьезной, когда речь идет о рабо-

¹ См.: Nickerson G. W. Analytical problems in explaining criminal behavior: Neo-classical and radical economic theories and an alternative formulation // *Review of Radical Political Economics*. 1983. № 15 (1). P. 1–23.

² См.: Thornberry T., Christenson R. L. Unemployment and criminal involvement: An investigation of reciprocal causal structures // *American Sociological Review*. 1984. № 49 (3). P. 398–411.

³ См.: Cantor D., Land K. C. Unemployment and crime rates in the post-World War I United States: A theoretical and empirical analysis // *American Sociological Review*. 1985. № 50. P. 317–323.

тающей и учащейся молодежи. Фримен¹ обнаружил, что молодежь в центре Филадельфии считает наркоэкономику своим основным источником занятости. Субъекты нелегальной экономики участвуют в ряде различных преступлений в целях получения дохода в дополнение к официальной и легальной работе. Фримен² применяет экологическую модель добычи пропитания у животных для сравнения склонности к преступности молодежи. Молодые люди, имеющие резервированную работу и доход от преступной деятельности, в то же время имеют легальный доход от относительно стабильной работы. Молодежь выбирает между двумя вариантами, когда потенциальная выгода от одного вида деятельности превышает заработную плату от другого. Тот факт, что молодые люди могут переключаться между преступностью и неквалифицированной работой, создает предпосылки распространения представлений о преступной деятельности к ценностному отношению молодежи к преступности в целом. Таким образом, формируется возможность рассматривать молодых преступников как активно стремящихся оптимизировать свой доход и воспользоваться всеми доступными экономическими возможностями.

Классовое положение. Попытка связать преступную деятельность с конкретными идеями классового конфликта часто основывается на марксистском анализе. Предполагается, что применение законов систематически дискриминирует беднейшие классы. Тейлор, Уолтон и Янг³ предполагают, что девиантное поведение может быть реакцией на проблемы жизни в конфликтном обществе. Классовая предвзятость проявляется в таких преступлениях, как кража со взломом или грабеж, в отличие от преступлений «белых воротничков», хотя последний тип преступлений представляет собой большую долю денежных потерь, чем первый. Этот вывод подтверждает либеральную точку зрения, согласно которой преступность на самом деле является ответом на предрассудки общества

¹ См.: Freeman R. B. The economics of crime // Handbook of labor economics / Eds. O. Ashenfelter, D. Card Amsterdam, Netherlands: Elsevier, 1999.

² См.: Freeman R. B. The labor market // Crime / Eds. J. Q. Wilson, J. Petersilia. Oakland, CA: Institute for Contemporary Studies, 1995. P. 171–191.

³ См.: Taylor I., Walton P., Young J. Critical criminology in Britain: Review and prospect // Critical criminology / Eds. I. Taylor, P. Walton, J. Young. London, UK: Routledge and Kegan Paul, 1975. P. 6–62.

в отношении бедных. Гордон¹ противопоставляет преступления «белых воротничков», обычно совершаемые более богатыми классами общества, преступлениям, совершаемым бедными слоями. Преступления первого типа, как правило, носят более ненасильственный характер, поскольку это преступления, которые должны совершаться тайно. Последние преступления часто требуют прямой конфронтации или запугивания, а иногда и принуждения в отношении жертв замалчивать произошедшее, чтобы избежать наказания. Гордон пишет: «Те, кто вырос в гетто, вероятно, никогда не будут иметь возможности присвоить средства из банка или способствовать многомиллионному мошенничеству с акциями»².

Социальная среда. По мнению социологов именно социальная среда определяет всю жизнь и поведение единичного своего представителя. Негативные социальные нормы и ценности, присутствующие в определенном социальном окружении, могут оказывать воздействие на восприятие и моральную систему индивида. Например, если в определенной среде преступление, насилие и агрессия считаются нормальным и даже привлекательным поведением, это может оказать стимулирующее воздействие на молодых людей, чтобы они совершали преступления. Особенно данное воздействие усиливается среди молодежи, имеющей в силу возрастных психологических особенностей особый дух противоречия и склонность к маргинализации.

С другой стороны, негативное социальное окружение часто связано с социальной изоляцией, что означает ограниченный доступ к образованию, работе, социальным возможностям и ресурсам. Эта изоляция может оставить людей без возможности законно справляться с жизненными вызовами, заставляя их искать альтернативные способы обеспечения своих потребностей, что может привести к преступности. В российском обществе укоренился образ «перманентного преступника», который стигматизируется в обществе даже после отбытия наказания за преступления, а соответственно, изолируется от основного социума.

¹ См.: Gordon D. Capitalism, class, and crime in America // Crime and Delinquency. 1973. № 19 (2). P. 163–186.

² Там же. P. 180.

Подобное негативное социальное окружение часто характеризуется высоким уровнем безработицы, экономическими неравенствами и низким уровнем дохода. Это создает атмосферу безнадежности и отчаяния, которая может стимулировать людей к совершению преступлений, чтобы выжить или улучшить свою ситуацию.

Крайне негативное влияние на преступность оказывает социальное окружение, особенно его влияние чувствуется в городской среде. Социально-экономическое благополучие района выступает ключевым фактором преступного поведения. Роджер Гулд¹ утверждает, что социальные взаимодействия, скорее всего, порождают насилие и преступность в тех случаях, когда статусный ранг между людьми неодинаков. Согласно Гулду, социально-экономическое благополучие района напрямую влияет на социальные взаимодействия. Если в районе существует значительный разрыв в статусах проживающих там людей, это может вызывать неудовлетворенность, а также конфликты. А как было отмечено выше, конфликты тесно связаны с преступностью.

Таким образом, среди широкого круга социальных факторов, способных повлиять не только на экономические процессы, но и на уровень преступности, необходимо выделять наиболее актуальные для каждого конкретного общества и периода его существования.

¹ См.: Gould Roger. Collision of Wills: How Ambiguity about Social Rank Breeds Conflict. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 48.

Взаимосвязь экономических процессов и преступности

Многие процессы, происходящие в современном мире, связаны друг с другом. Эта связь существует благодаря высокоскоростным линиям коммуникации, широкой представленности институтов и организаций по всему миру, возможности быстро и массово перемещаться и многим другим особенностям. Другими словами, социальные процессы и экономические процессы связаны, причем связь взаимонаправленная.

Одним из проявлений подобных взаимосвязей служит предположение о том, что финансовый кризис может привести к «росту преступности». Теории криминальной мотивации, включая теорию напряжения, предполагают, что противоправное поведение вызвано, по крайней мере частично, структурным разочарованием по поводу разрыва между стремлениями и ожиданиями, с одной стороны, и их достижением на практике, с другой.

Там, где финансовый кризис проявляется в снижении или отрицательном экономическом росте и повсеместной безработице, большое количество людей может пострадать от серьезного и, возможно, внезапного сокращения доходов. Это, в свою очередь, способно привести к увеличению доли населения с более высокой мотивацией находить незаконные решения своих насущных проблем. Хотя это кажется простым объяснением преступлений против собственности, стрессовые ситуации также являются причиной многих насильственных преступлений. Безработные могут стать все более нетерпимыми и агрессивными, особенно в своих семьях. Кроме того, насилие среди незнакомцев может возрастать в ситуациях, когда у людей нет четкого представления о своем будущем. Хотя, как мы отмечали ранее, показатели безработицы часто используются в качестве ключевого индикатора для анализа влияния экономических условий на преступность, сами по себе официальные данные по безработице не могут обеспечить полный показатель ни самого финансового кризиса, ни уровня финансового стресса населения. Они не всегда учитывают, например, тех, кто занят в неформальном секторе, тех, кто поддерживает большие семьи посредством низкооплачиваемой официальной занятости, или тех, кто выживает за счет денежных переводов от рабочих из-за границы.

Более того, помимо потери рабочих мест, финансовый кризис может проявиться в виде сокращения государственных социальных расходов, увеличения стоимости основных потребительских товаров и ограничения доступности кредитов. Любой из этих факторов или все вместе могут привести к финансовому стрессу для отдельных лиц и социальных групп без каких-либо изменений в официальных показателях безработицы. Тем не менее во многом благодаря своей доступности и сравнительной простоте, безработица широко использовалась в литературе в качестве показателя «экономической активности» при исследовании взаимосвязи между экономическим спадом и криминальными событиями. Некоторые из этих исследований действительно обнаруживают небольшие статистически значимые корреляции между безработицей и уровнем преступлений против собственности. Эта взаимосвязь чаще справедлива для преступлений против собственности, чем для видов насильственных преступлений.

Дополнительные криминологические факторы, которые могут повлиять на отношения, включают внедрение более совершенных систем безопасности, возможный переход от «традиционных преступлений против собственности, таких как кражи, к новым типам корыстных преступлений, таких как компьютерное мошенничество, а также влияние государственной политики, направленной на противодействие преступности. Кроме того, данные о ряде преступлений показывают, что уровни преступности часто подвержены долгосрочным тенденциям, которые могут быть связаны со сложным взаимодействием постепенно меняющихся социально-экономических факторов. Такие факторы были предложены для определения «равновесия» или базового уровня преступности, при этом краткосрочные изменения имеют тенденцию «корректироваться» в последующие годы. Помимо долгосрочных тенденций, уровень преступности подвергается воздействию на среднесрочной сезонной основе. Обычно может наблюдаться сезонное повышение уровня преступности. Например, летом наблюдается небольшое повышение уровня совершенных преступлений. Таким образом, любой анализ краткосрочного экономического кризиса как фактора, влияющего на преступность, должен быть помещен в контекст таких долгосрочных и среднесрочных тенденций. Следует помнить, что зарегистрированная полицией преступность сама по себе, как правило, является

плохим показателем основного ее уровня. Данные о преступности, зафиксированные полицией, являются конструктом, включающим в себя как факторы, побуждающие человека сообщить о деянии («уголовном преступлении») в полицию, так и факторы, которые побуждают любого сотрудника полиции определить, что преступление действительно имело место, и классифицировать его, отделив от правонарушения. Кроме того, сотрудник полиции должен составить протокол и включить этот индивидуальный протокол в совокупную статистику. Помимо любого воздействия на основной уровень преступности, на сам процесс полицейского учета также могут повлиять экономические факторы, например, через прямое влияние на уровень ресурсов полиции или через косвенные эффекты, такие как уровень мотивации и усердия сотрудников полиции.

Со статистической точки зрения на силу связи между безработицей как показателем экономической активности и преступностью влияет географическая единица, выбранная для анализа (город, область/республика или страна), период, в течение которого анализ завершен, метод, выбранный для учета долгосрочных тенденций, а также степень контроля других переменных, которые могут повлиять на уровень преступности, в первую очередь демографии. Аналитическая модель, выбранная для выявления характера связи между экономическими переменными и криминальными переменными, тоже способна оказать существенное влияние на полученные результаты. Две переменные могут оказаться коррелированными при обычном тесте значимости. Однако это связано с тем, что на них независимо влияет один и тот же общий третий фактор, и они не имеют между собой настоящих отношений. Кроме того, некоторые переменные могут просто случайно сойтись вместе. Наконец, следует отметить, что связь между преступностью и экономикой не обязательно однозначно-направлена. Хотя существуют теоретические аргументы в пользу того, почему изменения в экономических условиях влияют на уровень преступности, вполне возможно, что преступность сама по себе влияет на результаты экономики и развития, например, когда очень высокий уровень насильственной преступности отпугивает инвестиции.

Относительно перспектив прогнозирования преступности с использованием статистических моделей важно понимать, что такие модели не предсказывают будущее. Вместо этого они оценивают, какие

изменения в конкретных видах преступности могут произойти в результате экономических изменений, принимая во внимание отсутствие других факторов, таких как политика правительства по снижению уровня преступности, межнациональные различия в рассматриваемом явлении, способы его регистрации и отчетности.

Все эти аспекты демонстрируют, что экономические процессы и преступность взаимосвязаны и взаимозависимы. Для решения проблемы преступности и обеспечения безопасного и процветающего общества необходимы комплексные подходы, которые включают не только правоохранные меры, но и реформы экономики, борьбу с неравенством, прозрачность и справедливость.

§ 3. Методы междисциплинарного исследования преступности

Преступное поведение, как и любое другое социальное поведение, изучалось социологией. Однако классические социологические теории, а также структурный функционализм, приобретший особую популярность в научном мире, при анализе преступного поведения, факторов и причин преступности, последствий и механизмов, препятствующих распространению преступности, оказываются не способными в полной мере ответить на все вопросы и противоречия.

В начале 60-х годов XX в. возникает новое направление, раскрывающее экономические особенности причин и проявлений преступного поведения – направление междисциплинарных исследований. Одним из первых в данной области становится американский экономист, сделавший значительный вклад в экономическую теорию преступности – Гэри Беккер. Он предложил аналитический подход к изучению причин и стимулов преступного поведения, основанный на экономических принципах.

По мнению Беккера, люди принимают решение о совершении преступления, основываясь на выгоде, которую они могут получить. Таким образом, преступление – рациональный выбор, основанный на расчете потенциальной выгоды и возможных рисков.

Беккер подчеркивал важность социальных факторов в формировании преступности. Он указывал на то, что неравенство, бедность, отсутствие возможностей и образования могут выступать стимулами к преступному поведению. По его мнению, борьба с преступностью должна включать не только ужесточение наказаний, но и создание условий для социальной мобильности и повышения жизненного уровня.

В целом экономический анализ преступности Гэри Беккера подчеркивает роль стимулов и социальных факторов в принятии решения о совершении преступления. Этот подход предоставляет экономические инструменты для изучения причин и последствий преступности, а также для разработки эффективных стратегий борьбы с ней.

Одной из отправных точек для анализа связи между экономическим кризисом и преступностью является простая визуализация периодов экономического кризиса путем построения доступных

показателей экономики и преступности. Хотя, как отмечалось выше, экономические показатели могут быть тесно связаны между собой, полезно также строить индикаторы отдельно, чтобы получить четкое представление об изменениях конкретных показателей. Такой подход может помочь выявить и количественно оценить времена экономических трудностей или «кризисов» и любое возможное влияние на уровень преступности.

Визуализация преступных и экономических рядов показывает, что во многих случаях можно сделать первоначальные выводы о наличии или отсутствии периодов экономического кризиса, а также о возможном влиянии на регистрируемую полицией преступность на основе простого изучения графиков данных. Из 15 стран, включенных в этот анализ¹, в 11 наблюдались значительные изменения экономических показателей (в первую очередь ИПЦ, ВВП и безработица) в течение периода 2008–2009 гг., которые можно условно назвать экономическим «кризисом». Только Филиппины, Польша и Уругвай были определены как страны, которые, вероятно, не вступили в период значительного экономического спада в 2008–2009 гг. Только в Латвии, Маврикии и Тринидаде и Тобаго было трудно заметить какой-либо конкретный рост преступности в период экономического спада 2008–2009 гг. Однако ни в одном из этих случаев не наблюдалось какого-либо снижения преступности.

Примечательно, что хотя рост числа преступлений, таких как грабеж, чаще всего был очевиден, в некоторых странах или городах также можно было выявить повышение количества убийств и краж автомобилей. Это согласуется с криминологическими теориями, которые предполагают теоретические механистические связи между ростом преступлений против собственности и потенциально насильственными преступлениями в периоды экономического стресса. Однако важно отметить, что простое наблюдение явно связанных изменений в двух временных рядах не является окончательным в отношении природы или направления любой возможной связи между двумя временными рядами переменных. Грабеж был наиболее часто выявляемым преступлением (шесть случаев в стране или городе), за

¹ См.: Steven Malby, Philip Davis. Research coordination, analysis, and report preparation // Monitoring the impact of economic crisis on crime united nations office on drugs and crime. Vienna, 2021.

ними следуют угоны транспортных средств (четыре случая), затем убийства (три случая). Интересно, что на убийства, по-видимому, повлияли экономические изменения в странах в целом с высоким уровнем насилия – Бразилии, Сальвадоре и Ямайке. Причина может крыться в различии типологий убийств этих стран. Например, во многих странах Латинской Америки наблюдается высокий уровень насилия, вызванный убийствами, связанными с бандами и другой преступной деятельностью. Вполне возможно, что такие типологии демонстрируют более высокую чувствительность к экономическим изменениям, чем убийства, связанные с интимными или семейными отношениями, которые составляют значительную долю от общего числа убийств в странах Европы и Азии.

Хотя Аргентина (Буэнос-Айрес) переживала экономический кризис в 2002 г., данных для определения, происходили ли подобные события в 2008–2009 гг., недостаточно. Недостаточно также данных, чтобы определить, привел ли экономический кризис 2008–2009 гг. к изменениям в каких-либо видах преступлений в Канаде.

Важной особенностью междисциплинарных исследований преступности является прогнозирование тенденций преступности. Методика ARIMA особенно подходит для прогнозирования возможного будущего развития серии преступлений на основе наиболее подходящей модели. В частности, если наиболее подходящая модель включает в себя экономический прогноз для комбинации преступной страны/города, известные изменения экономических переменных могут использоваться для прогнозирования возможных изменений в конкретной серии преступлений, зарегистрированных полицией. В таких случаях прогноз основывается как на прошлой тенденции самого ряда преступлений, так и на влиянии экономической переменной.

Важно отметить, что предположения относительно уровня преступности, основанные только на экономических прогнозах, приводят к недооценке изменений в структуре преступности. На наш взгляд, прогнозирование работает лучше в ограниченных географических регионах, когда правдоподобная гипотеза может рационально объяснить потенциальную связь между экономикой и преступностью.

Некоторые экономические факторы прогнозирования способны стать более или менее важными в экстремальных экономических условиях. Как и в случае со статистическими моделями в целом, прогнозы не выявляют причинно-следственную связь на макро-уровне.

Качественные методы исследования

Междисциплинарные исследования преступности, которые комбинируют качественные методы из различных дисциплин, могут предоставить глубокое понимание преступного поведения и его контекста. Некоторые качественные методы, которые возможно использовать в таких исследованиях, включают:

1. Сетевой анализ. Применение сетевого анализа помогает изучить экономические связи и отношения между преступными организациями, их членами и другими участниками. Исследователи могут анализировать экономические потоки, финансовые транзакции и другие взаимосвязи, чтобы выявить экономические факторы, поддерживающие преступную деятельность или способствующие ей.

2. Качественные интервью. Интервью с преступниками, жертвами или профессиональными лицами, связанными с правоохранительными органами, могут помочь в получении детальной информации о мотивах, контексте и последствиях преступности. Качественные интервью позволяют исследователям задавать глубокие вопросы и получать подробные ответы, раскрывающие различные аспекты преступного поведения.

Разновидностью качественного интервью считается экспертный опрос, являющийся одним из методов, который может быть использован при исследовании экономической преступности. Этот метод основан на опросе экспертов, имеющих специализацию или опыт в данной области.

В случае экономической преступности групповые дискуссии и фокус-группы включают представителей правоохранительных органов, специалистов в области экономики, банковских работников, представителей бизнеса и других заинтересованных сторон. Они собираются вместе, чтобы обсудить проблемы экономической преступности, поделиться своими знаниями и опытом, а также выработать возможные решения.

Количественные методы исследования

Для того чтобы определить, может ли существовать взаимосвязь между экономическими факторами и изменениями в ряде преступлений, а также в свете необходимости прогнозировать вероятные будущие изменения в переменных преступности, была разработана статистическая методология, основанная на моделировании авторегрессионного интегрированного скользящего среднего (ARIMA)¹. Методология ARIMA создает модель, описывающую эволюцию переменной результата преступления. Эта модель позволяет прогнозировать текущее значение во временном ряду преступности на основе прошлых наблюдений за самой серией преступлений, а также прошлых случайных ошибок. Модель также может быть расширена, чтобы включить текущие и прошлые наблюдения в экономические временные ряды в предикторы модели. Этот процесс по сути похож на «подбор кривой» с использованием подхода «генерация и тестирование» и стал популярным методом прогнозирования временных рядов, который широко используется во многих областях. В одном из ведущих трудов по эконометрическому анализу отмечается, например, что методология как основа для моделей прогнозирования, ее набор инструментов и ее эмпирический аналог оказались столь же хороши и даже превосходят более сложные методы.

Анализ ARIMA может быть выполнен в статистическом пакете SPSS с использованием встроенной процедуры, способной автоматически выбирать оптимальные значения.

Когда в программное обеспечение «загружаются» зарегистрированные полицией серии преступлений, такие как ограбления, для конкретной страны, вместе с рядом экономических рядов для этой страны (таких как ВВП, ИПЦ или безработица), программа определяет, один или несколько экономических показателей способны улучшить модель при описании временных рядов преступности. В этом случае выходные данные ARIMA будут включать экономическую переменную в качестве предиктора в уравнении модели. Такое включение означает, что экономическая переменная вносит

¹ См.: Steven Malby, Philip Davis. Research coordination, analysis, and report preparation // Monitoring the impact of economic c on crime united nations office on drugs and crime. Vienna, 2021.

статистически значимый вклад в описание ежемесячных изменений или колебаний временного ряда преступности. Именно в этом смысле термин «отношения» используется в целях статистического анализа.

Статистический анализ временных рядов преступности и экономики выходит за рамки визуализации преступности и экономических переменных в целях разработки статистического подхода, который может: определить, существует ли связь между экономическими факторами и изменениями в ряде преступлений; и прогнозировать вероятные будущие изменения показателей преступности на основе известных изменений экономических факторов и прошлых тенденций. Для достижения этих целей разработали статистическую модель, которая была применена к экономическим и временным рядам, ранее исследованным с помощью визуализации. Модель, описанная в этой главе, использует подход «наилучшего соответствия», чтобы определить, можно ли улучшить описание серии преступлений за счет включения в нее экономической переменной-предиктора. В качестве входных данных для модели использовались все доступные ряды экономических данных из базы данных международной финансовой статистики МВФ, а также национальных статистических управлений, если таковые имеются. Если включен экономический предиктор, модель дает возможность прогнозировать вероятные изменения тенденций преступности на основе существующей информации об исторических тенденциях преступности вместе с информацией от экономического предсказателя. В общей сложности из 15 исследованных стран «наиболее подходящая» статистическая модель включала в себя экономический предиктор как минимум для одного типа преступлений в 12 странах. Включение экономического индикатора в модель для конкретного преступления в контексте конкретной страны или города означает, что экономический фактор может помочь описать эволюцию ряда преступлений, предполагая некоторую возможную связь между преступностью и экономическим фактором в этом контексте.

Количественные методы социологии и экономики используются для изучения преступного поведения в целях анализа и прогнозирования его характеристик и тенденций. Подобные методы позволяют установить статистические связи между различными факторами

и преступностью, оценить эффективность превентивных и репрессивных мер, а также провести сравнительный анализ преступности в разных регионах и странах.

Комбинация этих количественных методов экономической социологии позволяет более точно оценить и объяснить связь между преступностью и экономическими условиями в обществе.

§ 4. Институциональные основы экономической преступности

Особенности поведения экономических агентов, факторы, на него влияющие

Единицей анализа в экономической социологии признаются хозяйственные агенты, которые взаимодействуют друг с другом в процессе производства, распределения и обмена экономических благ. Процесс взаимодействия экономических агентов обусловлен рядом существенных факторов, оказывающих влияние на принятие экономического решения.

1. Поскольку любое экономическое действие связано с приложением ресурсов, затратами труда, капитала, земли, предпринимательских способностей индивида, постольку результат экономического действия предполагается пропорциональным величине затрат. Ориентация на результат, на то, что получено в результате использования ресурсов, принадлежащих индивиду, – один из факторов, формирующих экономическое поведение.

2. Экономическая деятельность, однако, никогда не выступает в подобного рода «чистом виде». Она всегда обставлена рядом существенных институциональных ограничений, в том числе правового характера. Эта обусловленность процесса экономической деятельности социальными нормами столь же важный фактор, формирующий поведение индивида в сфере экономики, как и его стремление к максимизации собственной выгоды.

Именно поэтому экономическое поведение индивида может быть представлено в виде различного рода сочетаний двух видов ориентации – на материальный результат, во-первых, и на нормативную структуру тех институтов, в рамках которых протекает данный экономический процесс, во-вторых. Коллизии между ориентациями такого рода и формируют определенные варианты поведения индивида.

Для того чтобы понять мотивацию выбора вариантов экономического поведения, необходимо тщательно исследовать поведенческие особенности экономического агента и то, что лежит в основе принятия экономического решения.

В «экономикс» принято выделять четыре основных принципа, которыми руководствуется индивид при принятии экономического решения¹:

1. Чтобы получить какую-то необходимую человеку вещь, ему обычно приходится отказываться от другой, менее ценной. Принятие решения требует противопоставления одной цели другой.

Человеческая деятельность принимает экономический характер, когда ведется борьба с редкостью материальных благ. У всякого человека есть потребность. Потребности в высшей степени субъективны: каждый человек сам решает, испытывает ли он какую-либо потребность и в какой мере эта потребность существует. Потребности меняются в зависимости от индивида.

Человеческие потребности многообразны: материальные и духовные, физиологические и психологические. Они постоянно растут и становятся более разнообразными, потому что человек бесконечен в своих желаниях, он открывает для себя новые и новые цели и средства, поскольку жизнь ему подобных вновь и вновь побуждает его к подражанию другим людям и соперничеству с ними.

Однако средства, которыми человек располагает для удовлетворения своих потребностей, ограничены. Он живет в мире, которому свойственна редкость материальных благ. Ресурсы, которыми он располагает, либо недостаточны в данный момент, либо плохо распределены в пространстве. Даже если бы человек располагал избыточными ресурсами, то и тогда бы он был ограничен в их использовании временем.

Не будучи способным иметь сразу все и делать все в одно и то же время, человек должен выбирать. Для достижения какой-либо цели он вынужден жертвовать другими своими планами или же использовать для их осуществления ограниченные средства и дефицитное время.

2. Необходимость выбора, принятие человеком решения требуют сравнения издержек и благ альтернативного варианта действия. Таким образом, всякий выбор сопровождается жертвой, цену которой называют ценой приспособления к обстоятельствам. Цена приспособления является реальным выражением жертвы, которую

¹ См.: Мэнкью Н. Г. Принципы экономикс. СПб.: Питер, 1999. С. 30.

приносит экономический субъект, делающий выбор между несколькими возможными действиями.

Издержки упущенных возможностей, нечто, от чего приходится отказаться, чтобы получить желаемое. Принятие любого решения требует осознания издержек упущенных возможностей каждого варианта действия.

3. Принятие многих жизненно важных решений подразумевает внесение незначительных изменений в существующий план действий, которые называют предельными изменениями. Анализ в терминах предельных изменений позволяет принять оптимальные решения. Рационально мыслящий человек предпринимает действия тогда, когда получаемые предельные блага превышают его предельные издержки.

4. Так как решение человека основывается на сравнении возможных издержек и благ, изменение соотношения между ними, несомненно, повлияет на его выводы. Таким образом, человек реагирует на стимулы.

Понимание центральной роли стимулирования в поведении людей особенно важно при разработке программ по борьбе с экономической преступностью. Если политикам не удастся правильно оценить возможные изменения в поведении людей, результаты реализации программы непредсказуемы.

Однако использование только этих принципов при построении модели экономического поведения явно недостаточно, поскольку они не раскрывают все особенности человеческой природы.

Стремление к достижению собственных целей побуждает индивида к участию в коллективных действиях. Индивид участвует в коллективных действиях, зная при этом об установленных правилах принятия решения.

Следовательно, необходимо изучать человека таким, каков он есть на самом деле, действующего в рамках ограничений, налагаемых реальными институтами. Данный подход к изучению человека рассматривается в экономической теории трансакционных издержек¹. Она характеризует человеческую природу такой, какой мы ее знаем, используя понятия «ограниченная рациональность» и «оппорту-

¹ См.: Уильямсон О. Н. Экономические институты капитализма. СПб., 1996. С. 93.

низм». Первое отражает ограниченность наших познавательных способностей, второе – наличие у индивидов примитивного стремления к реализации личных интересов.

Ограниченная рациональность есть полусильная форма рациональности, которая предполагает, что экономические субъекты стремятся действовать преднамеренно рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в ограниченной степени.

Стремление сэкономить на познавательных усилиях ввиду наличия ограниченной рациональности объясняет одну из особенностей экономического индивида – его склонность придерживаться определенных привычек и правил. «Необходимость полагаться на привычки и правила, – пишет Дж. Ходжсон, – является общей для всех экономических агентов, даже если они сталкиваются с четко определенными задачами оптимизации»¹.

Привычки составляют наиболее прочное «ядро» системы институтов, медленно, с трудом поддающееся изменениям. Привычки и правила при всех изменениях окружающей среды меняются постепенно, по мере формирования альтернативных моделей поведения организаций и индивидуумов, связанных с новым восприятием ими выгод и издержек. Повторяющиеся типы поведения могут прочно закрепляться, даже если они невыгодны индивиду.

К использованию привычек экономические агенты прибегают в следующих случаях:

1. При оптимизации выбора, когда известен набор альтернатив и возможно применение упрощенных процедур и решений, направленных на поиск оптимума.

2. В условиях неопределенности. Понятие неопределенности в первую очередь связано с недостатком нашего знания о будущем. В подобных случаях часто бывает разумным следовать примеру других или полагаться на обычаи. Привычка поступать так же, как прежде, остается эффективной, несмотря на неопределенность ситуации.

Образцы поведения в условиях неопределенности формируются, либо соотносясь с общественным поведением остальных, либо путем

¹ См.: Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 39.

воспроизведения установившейся практики в расчете на то, что мир не изменится.

3. В условиях ограниченности познавательных способностей индивида.

Через обучение индивид приобретает навыки познания и формирует структурные рамки восприятия. Они существенны для него, поскольку позволяют получать знания об окружающей обстановке и действовать в ней.

Если чувственные данные, полученные опытным путем, совместимы с существующей схемой познания, они легко признаются индивидом. Если они с очевидностью не соответствуют схеме познания, то либо информация игнорируется, либо изменяется сама схема, которая приспособляется к входящей информации. Обычно информация интерпретируется таким образом, чтобы оказаться совместимой с ранее установленными понятиями и теориями. Но поскольку схемы познания дополняют чувственные данные, одним и тем же исходным данным могут соответствовать различные структуры восприятия. Отсюда возникает постоянная проблема неопределенности.

Беспорядочность чувственных данных часто требует пренебречь некоторыми единицами информации и придать большее значение другим. Психология познания показывает, что полное использование имеющихся в распоряжении данных, – скорее редкое исключение, чем правило. Даже искушенные экономические агенты, использующие современные информационные технологии, игнорируют некоторые из полученных чувственных данных.

При принятии решения в расчет принимается не вся доступная информация, а только ее часть, значимая для агента, адекватная его предпочтениям и способностям к познанию.

4. В процессе обучение индивида.

Обучение неотделимо от познания. Оно рассматривается здесь как отдельная категория только для удобства объяснения. Процесс познания и обучения – это обретение навыков и структур восприятия. Обучение может означать как получение дополнительной информации, так и установление новых понятийных структур. Оно предполагает непрерывное воспроизводство и преобразование знания, включая изменения отношений между индивидами и внешней средой, а также структурирование познания и отбор информации. Обучение в большей степени выступает процессом формиро-

вания и решения задач, чем приобретения и наполнения объективно заданной информации.

Процесс обучения подразумевает нечто большее, чем простое накопление фактов. В дополнение к этому обучение включает развитие когнитивных способностей, т. е. приобретение практических и интеллектуальных навыков познания. Необходимость обучения часто обусловлена возникновением проблемных ситуаций, порождающих некий непривычный элемент, противоречащий нашим убеждениям и ожиданиям. Это вызывает к жизни гипотезы и возможные ошибки, поскольку мы ищем альтернативные решения и интерпретации.

Во многих случаях успешное обучение влечет за собой формирование привычек, которые закрепляют модели познания и поведения, и выводят их из сферы сознательного обдумывания.

5. При общении индивидов.

Общение не обязательно должно быть вербальным. Существует множество примеров общения, которые не предполагают использование языка. К ним, в частности, относится передача сигналов, определяемых как неязыковые сообщения о намерениях и результатах действий с использованием упорядоченных и установившихся моделей поведения. Различают обмен сигналами между сторонами, преследующими общие цели, и сторонами, потенциально вовлеченными в конфликт. В качестве примера первого рода можно привести передачу игроком в бридж информации своему партнеру в соответствии с установленными правилами.

Ситуация потенциального конфликта часто предполагает передачу сигналов, предвещающих осуществление определенной модели поведения или ответной реакции. Так, например, индивиды усваивают правило «никогда не уступать шантажистам», а правительство – «никогда не вести переговоры с террористами», чтобы показать потенциальным шантажистам и террористам, что они не получают от своих действий практически никакой выгоды.

Следовательно, предварительное оповещение может рассматриваться как случай индивидуальной оптимизации, но это, разумеется, не всегда так. Ограниченно рациональные индивиды также могут видеть преимущества в передаче сигналов другим агентам. Предварительное оповещение может оказаться еще более важным в ситуа-

циях сложности и неопределенности, и тогда также будет разумным попытаться сигнализировать о своей системе поведения.

Действие, нацеленное на передачу информации, может быть интерпретировано по-разному. Поэтому сигнализирующее поведение само по себе не может объяснить происхождение привычек и правил. Для правильной интерпретации сигналов должен существовать язык.

Обучение и социализация с раннего возраста помогают нам развить наши врожденные способности к восприятию, сформировать концептуальные основы понимания и взаимодействия со сложным и меняющимся миром. Для социализированного взрослого человека большинство понятий и структур восприятия выражается в терминах социального языка. Развитие и обучение являются социальными феноменами, таким образом, имеют свои культурные особенности. Приобретаемая нами понятийная структура отражает нашу культуру, а также унаследованные социальные нормы и правила.

Являясь участником коллективных действий, индивид добровольно решает ограничить свое собственное поведение, он видит разницу между рациональным планированием и простой ответной реакцией на внешние раздражители.

Индивид соглашается с определенными ограничениями своего собственного поведения не потому, что его благополучие улучшается в одностороннем порядке, а в обмен на выгоды, которые он получит от ограничения своего поведения другими сторонами, заключившими договор. Индивид будет считать свое собственное подчинение закону (норме) невыгодным, если это не делают другие. Ограничение своей собственной свободы – это те издержки, которые необходимо понести, чтобы договор был заключен. Однако в соответствии с принципом рациональности индивид будет прилагать усилия, чтобы все остальные были законопослушными в максимальной степени, а он – в минимальной. У индивида возникает стимул нарушить договор, преступить закон, если его поведение не окажет влияния на других, не вызовет ответной реакции со стороны других членов общества.

Использование индивидом различных схем обмана партнеров по бизнесу выступает здесь как способ достижения собственных экономических целей. Согласно теории институционализма оппортунизм является трудноуловимой и всепроникающей особенностью

человеческой натуры, которая заключается в преследовании личных интересов и использовании коварства¹.

Если бы не склонность людей к оппортунизму, любое их поведение свелось бы к простому следованию установленным правилам. В обычной же своей жизни «экономически активные индивиды ненадежны с точки зрения добровольного выполнения своих обещаний. Они, наоборот, будут нарушать обязательства и дух соглашения, когда такое поведение отвечает их интересам»².

Анализ поведения индивида был бы неполным без учета влияния на него экономической культуры, присущей конкретному обществу. Она является одним из элементов, оказывающих решающее значение на принятие индивидуального решения. Ее главные черты заключаются в следующем.

Во-первых, она связана с экономической деятельностью людей.

Во-вторых, экономическая культура – это определенный фрагмент сознания людей: их интерес к конкретной деятельности, потребность в чем-либо, заинтересованность, ориентация на предмет интереса или напротив, безразличие, равнодушие, враждебность. Как элемент сознания экономическая культура включает также те или иные предпочтения, ожидания, планы, мотивы поведения, причем те, которые связаны с экономической деятельностью.

В-третьих, экономическая культура «живет» в определенном пространстве. Это пространство – экономические отношения. Очевидно, что экономическая культура пронизывает жизнь всех людей. Ведь все они, без исключения, имеют те или иные источники существования, покупают товары, пользуются услугами общественного транспорта и т. д.

В-четвертых, экономическая культура тесно связана с правом и нравственностью: с кодексами законов и моральными кодексами данного общества. От этих кодексов зависит, какие именно экономические действия позволяют, а какие не позволяют себе люди. К этим же кодексам они обращаются в случае нарушения их прав.

В-пятых, экономическая культура общества – это не любые, а лишь устойчивые стереотипы сознания, которые повторяются не только из

¹ См.: Уильямсон О. Н. Экономические институты капитализма. СПб., 1996. С. 35, 71 и др.

² Там же. С. 609.

года в год, но из века в век. Притом что конкретное содержание интересов меняется, их некая общая структура сохраняется и передается от одних поколений к другим. Эти стереотипы возникают в результате того, что экономические оценки, мнения, планы поведения субъектов экономики как бы «кристаллизуются» и поэтому приобретают социальную устойчивость. В каждой сфере, на каждом участке экономического пространства существуют свои стереотипы: в сфере занятости – устойчивые интересы людей к разным занятиям, стандартные реакции на опасность увольнения и на безработицу; в сфере отношений собственности – устойчивые ориентации по отношению к приобретению ее разных видов: земли, предприятий и др.

Влияние экономической культуры на развитие экономики определяется тем, что усвоенные людьми стереотипы этой культуры – экономические традиции, нормы поведения, планы, предпочтения и другие воплощаются в экономические действия и поступки, в экономическое поведение. Его характер зависит как от личности индивида, так и от характера регулирования со стороны государства или других ограничивающих условий. Западные экономисты считают, что наилучшие условия для эффективного экономического поведения достигаются там, где нет ни произвола закона, ни ограничений демократии. Однако те или иные политико-правовые условия создают лишь ту или иную область свободы для экономического поведения. Но в рамках одной и той же области свободы, отмечает Р. В. Рывкина¹, субъекты экономики могут вести себя по-разному. Достаточно проделать мысленный эксперимент: представить, что область свободы в России стала такой же, как в Англии. Бесспорно, что экономическое поведение все равно окажется разным.

Из сказанного можно сделать вывод, что экономическая культура – это как бы посредник между комплексом политико-правовых, экономических и других условий той или иной страны и экономическим поведением субъектов ее экономики. Экономическая культура «перекачивает» ценности и установки людей из духовной сферы в материальную. Она воплощает ценности и интересы в материю действий: в производство товаров и услуг, финансовые операции, торговые сделки, получение кредита, выплату налогов, внедрение

¹ См.: Рывкина Р. В. Между социализмом и рынком; судьба экономической культуры в России: учеб. пособие. М., 1994. С. 29.

новых технологий и т. д. Именно поэтому роль экономической культуры в развитии экономики (как легальной, так и теневой) значительна. Более того, не будет большим преувеличением сказать, что развитие экономики – это суммарный результат действий миллионов людей, регулируемых как внешними институциональными условиями их деятельности, так и чертами экономической культуры самих людей, их интересами, ценностями, ориентациями.

Из всего круга вопросов, связанных с экономической культурой в рамках построения модели экономического поведения, главным является вопрос о ее влиянии на развитие экономики. Оно осуществляется через экономическую деятельность людей, характер которой зависит от того, что они ценят или не ценят, в чем нуждаются, чего боятся, к чему стремятся, чего стараются избежать.

В их ценностях, запросах, установках, интересах накапливается и через них передается опыт прошлого. Он-то и выливается в практическую деятельность людей в сфере экономики.

Влияние экономической культуры на поведение индивида можно проследить через те феномены общественного сознания, в которых она проявляется¹.

Ценности, связанные с экономикой, – это, во-первых, принятые в обществе и у его отдельных групп устойчивые представления о том, какие экономические блага (богатство, связи, власть, статус, разные виды занятости, разные источники и способы приобретения дохода и т. п.) наиболее важны или совсем не важны для них и их семей. Во-вторых, представления людей о том, какие экономические отношения для них более, а какие менее предпочтительны.

Социальные нормы в сфере экономики – это представления людей, а также их действия в сфере экономики, которые признаются полезными, правильными, нужными в тех или иных, связанных с экономической ситуациях.

Приоритеты и предпочтения в экономической сфере выражаются в выборе (вербальном или действительном) людьми тех или иных экономических благ.

¹ См.: Рывкина Р. В. Экономическая культура как регулятор функционирования и развития экономики // Социология экономической жизни: очерки теории / Т. Н. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1991. С. 96–228.

Экономические потребности появляются на разных уровнях: индивидуальные, семейные, потребности различных групп и др.

Интересы и конкретизирующая их заинтересованность – своеобразный интегратор того, в чем нуждаются социальные группы, что они ценят, обладание тем, чем считают для себя необходимым.

Мотивация экономического поведения – это стандартизированные объяснения, которые люди дают своим действиям и поступкам, а также тем ценностям и нормам, которые они разделяют.

Таким образом, экономическая культура охватывает те ценности, ту часть социальных потребностей, норм и интересов, которые возникают из нужд экономики, функционируют внутри нее и оказывают на нее то или иное влияние.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в обычных условиях экономические агенты имеют свою собственную позицию и направлены на поиск удовлетворения своих потребностей, ожиданий, при этом их поведение формируется под воздействием названных особенностей.

Модель экономического поведения индивида в обычных условиях представлена на схеме (рисунок 2).

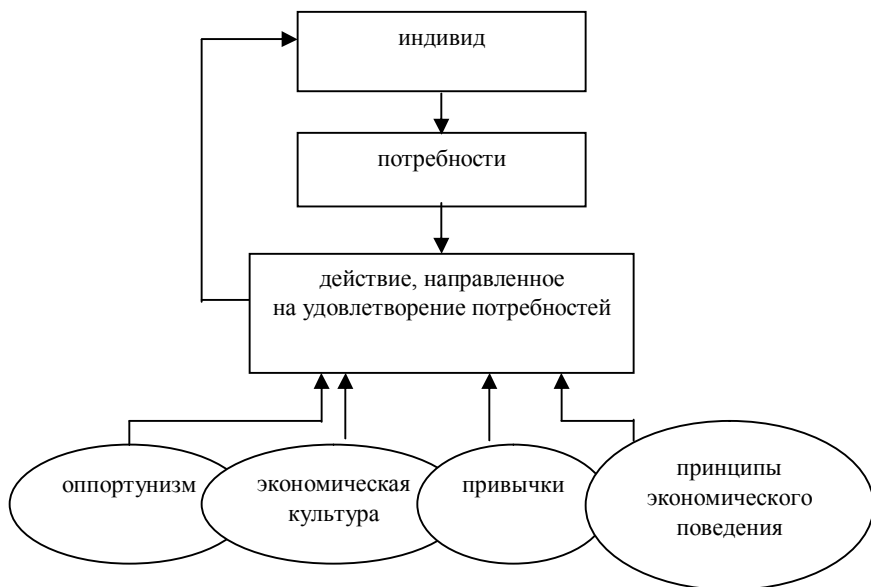

Рис. 2. Модель экономического поведения индивида в обычных условиях

Цена подчинения закону и цена внезаконности

Поведение экономических агентов во многом зависит от характера регулирования со стороны государства, поскольку государство выступает в роли особого субъекта экономических отношений, обладающего общепризнанным и исключительным правом принуждения. Государство создает условия для той или иной степени удовлетворения потребностей и ожиданий в обмен на соблюдение установленных им правил (норм). Если основные потребности индивида удовлетворяются в рамках сформированного правового поля, то в соблюдении правил (норм) он заинтересован непосредственно. Таким образом, достигается равновесие между интересами индивида и целями государства.

Данного рода соглашения определяются О. Н. Уильямсоном как имеющие контрактную природу, а любая хозяйственная проблема, которую допустимо решать как контрактную, может быть наиболее продуктивно исследована в контексте логики минимизации трансакционных издержек¹.

О. Н. Уильямсон развивает тезис о том, что основным средством достижения эффективности результатов хозяйственной деятельности является минимизация трансакционных издержек. Выбор конкретного способа экономической организации зависит от величины трансакционных издержек, соответствующих каждому из них.

На основании данной теории решение о выборе экономическим субъектом институциональной сферы для своего бизнеса – легальной или нелегальной – определяется через сопоставление трансакционных издержек, возникающих при совершении сделок в первом и во втором случаях.

Трансакционные издержки, связанные с действием в рамках контракта, оказывают значительное влияние на поведение индивида.

Де Сото определяет эти издержки как «цена подчинения закону»².

¹ См.: Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат: CEVPress, 1996. С. 95.

² Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995. С. 178, 187–189.

1. Издержки доступа к закону:

– затраты на регистрацию юридического лица, на получение лицензии, на открытие счета в банке, на получение юридического адреса и выполнение иных формальностей.

2. Издержки продолжения деятельности в рамках закона, связанные с необходимостью:

– выплаты налогов, выполнения требований закона в области трудовых отношений (длительность рабочего дня, минимальная зарплата, социальные гарантии), выплаты судебных издержек при разрешении конфликтов в рамках легальной судебной системы.

Высокая цена подчинения закону оказывает большое влияние на выбор индивида. Существует следующая закономерность: чем выше издержки продолжения деятельности в рамках формальной институциональной среды, тем чаще экономические отношения протекают без участия государства, т. е. возрастает нелегальная активность экономических агентов.

Например, высокие налоги побуждают предпринимателей искать пути уклонения от их уплаты, вести двойную бухгалтерию, занижать фактические объемы производства и т. д.

Однако следует отметить, что переход в нелегальную сферу влечет за собой появление других видов издержек. Э. Де Сото определяет их как «цена внелегальности»¹.

1. Издержки, связанные с уклонением от правовых санкций, которые включают: оплату услуг налоговых и иных финансовых консультантов, потерянную в результате ограничения размеров производства и рекламы выгоду (чем больше предприятие и чем активнее оно ведет рекламную кампанию, тем больше у него шансов попасть в сферу внимания контролирующих органов); издержки на ведение «двойной» бухгалтерии и потери от возникающих в этой связи трудностей учета и контроля на предприятии.

2. Издержки, связанные с трансфертом доходов. Даже уклоняющиеся от уплаты налогов экономические субъекты делятся полезным эффектом от своей деятельности с государством, однако при этом ничего не получая от него взамен. Дело в том, что все без исключения экономические субъекты платят косвенные налоги и инфляционный налог (в первую очередь это касается использо-

¹ См.: Де Сото Э. Указ. соч. С. 189–215.

вания исключительно наличных денег при внезаконных обменах). Но трансферты носят односторонний характер: в отличие от законных экономических субъектов незаконные не могут обратиться к государству за защитой нарушенных прав собственности. Сюда следует добавить трудности с получением кредита, ведь скрывающие свою деятельность субъекты не могут обосновать свою кредитоспособность на основе баланса, отчета о прибылях и убытках и т. п.

3. Издержки, связанные с уклонением от налогов и начислений на заработную плату.

Уклонение от выплаты подоходного налога, обязательных платежей в фонд социального страхования и пенсионный фонд позволяет предприятию экономить на оплате труда, но при этом снижаются стимулы к замещению труда капиталом и техническому перевооружению. Дешевый труд «развращает» предприятие. Кроме того, процедура взимания налога на добавленную стоимость ограничивает сферу незаконной деятельности только крайними звеньями производственной цепочки – розничной торговлей и начальными этапами обработки сырья. Ведь именно на этих этапах производственного процесса выигрыш от невыплаты НДС достигает наибольшей величины, тогда как на промежуточных этапах незаконности поставщики промежуточного продукта оказываются в проигрышном положении по отношению к законным.

4. Издержки, связанные с отсутствием законодательно зафиксированных прав собственности.

Внезаконная спецификация прав собственности может осуществляться только в рамках социальных структур путем социальных санкций и персонификации отношений. Права собственности устанавливаются и защищаются социально (на основе традиционного соглашения), а не законно (на основе гражданского соглашения). Поэтому издержки обмена и защиты правомочий чрезвычайно низки лишь при условии, что все транзакции совершаются внутри социальной структуры – клана, семейно-родственной или соседской общины, национальной диаспоры и т. д. В любой сделке с участием человека «со стороны» социальные механизмы защиты прав собственности перестают действовать. Следовательно, передать правомочие можно только строго ограниченному кругу людей, среди которых не обязательно найдется покупатель, готовый заплатить наивысшую

цену (т. е. наиболее эффективный собственник правомочия). Помимо невыполнения теоремы Коуза, результатом ограничения обмена правомочиями кругом определенных лиц является и невозможность капитализировать право собственности, свободно продавать правомочия (нельзя продать самовольно захваченный участок земли). Де Сото использует термин «омертвленный капитал» для описания зафиксированных внезаконно прав собственности: этот капитал нельзя использовать в качестве залога, инвестировать в него, свободно продать, а иногда и просто передать по наследству.

5. Издержки, связанные с невозможностью использования контрактной системы.

Внезаконная процедура заключения контрактов затрудняет реализацию долгосрочных проектов, в которых участвуют многие экономические субъекты. Ведь стимулом для вложения средств в долгосрочный проект является даже не личная репутация участвующих в нем людей, а уверенность в том, что, чтобы не случилось, права инвесторов будут защищены. Действительно, при возникновении необходимости пересмотра контракта участники не могут обратиться в суд или арбитраж, который должен принять во внимание все детали сделки, в чем не заинтересована ни одна из сторон.

6. Издержки, связанные с исключительно двусторонним характером внезаконной сделки.

Стремление к сокрытию деятельности и ее результатов от закона побуждает максимально ограничивать круг участников внезаконной сделки. Внезаконная сделка носит преимущественно двусторонний характер. Третьи лица, чьи интересы потенциально затрагиваются сделкой (например, жители близлежащих от стихийно возникающих рынков кварталов), исключены из круга ее участников и, следовательно, их интересы в ней не учитываются. Иными словами, право на запрещение вредного использования остается, как правило, вне сферы регулирования внезаконного права.

7. Издержки доступа к внезаконным процедурам разрешения конфликтов.

Законная судебно-правовая система имеет ряд субститутов – семейно-родственные и мафиозные механизмы разрешения конфликтов. Использование обеих альтернатив для разрешения возникающих конфликтов связано с издержками. Во-первых, поддержание хороших отношений с многочисленными родственниками, зем-

ляками и другими «своими» людьми требует времени для оказания символических знаков внимания и средств для совершения обмена услугами. Во-вторых, обращение за услугами выполняющей функции судебных и силовых структур мафии обусловлено необходимостью выплаты своего рода налога.

Как мы уже отмечали выше, индивид принимает решение о выборе институциональной среды на основе сравнения издержек и выгод. Соответственно, стимул для бизнеса в рамках легального институционального пространства появляется у него в том случае, если издержки нелегальной деятельности выше. Для экономического агента нелегальная деятельность по существу разновидность высокорискованного бизнеса, поскольку он рискует быть пойманным и наказанным.

Внеся некоторые изменения в формулу, предложенную Ю. Латовым¹ для определения дохода преступника, мы получим универсальную формулу определения дохода от нелегальной деятельности:

$$R = LP - KD,$$

где: **R** – чистый доход от нелегальной деятельности;

L – латентность преступлений в сфере экономики;

P – прибыль, неподпадающая под контроль государства;

K – раскрываемость экономических преступлений, $K=1-L$;

D – денежная величина потерь в результате наказания.

В соответствии с предложенной формулой возможность осуществления нелегального бизнеса появляется у индивида в том случае, если чистый доход **R** будет выше нуля.

Тогда: $0 < LP - KD$ или $KD < LP$. Иначе говоря, ожидаемая прибыль **LP** должна превышать потери **KD**.

Таким образом, для того, чтобы объяснить природу преступного поведения, необходимо определить причины, по которым чистый доход **R** приобретает положительное значение.

¹ См.: Латов Ю. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты» в гостях у криминологов) // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 67.

Как мы уже отмечали выше, чистый доход **R** будет больше нуля только в том случае, если прибыль **LP**, полученная в результате нелегальной деятельности, превышает потери **KD**.

Рассмотрим данную зависимость в контексте частной теории запрета¹.

¹ См.: Тимофеев Л. М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1998. С. 112.

Частная теория запрета

Используя данную теорию, попытаемся определить влияние запрета (норм) на формирование нелегальной прибыли и издержек.

Запрет – понятие неоднородное. В своих различных проявлениях он по-разному воздействует на издержки и объемы производства и сам по-разному оценивается в зависимости от динамики развития нелегального рынка.

Юридическая декларация (закон) есть постоянная часть запрета. Закон можно исполнить, а можно оставить и на бумаге. Декларация запрета обозначает лишь момент возникновения и юридические границы нелегального бизнеса. При увеличении или уменьшении нелегального производства величина запрета, декларированного в законе, остается неизменной. И хотя законодатель обычно указывает на вероятность репрессивных мер по отношению к запрещенному рынку, сам по себе закон имеет скорее положительное, чем отрицательное влияние на развитие нелегального бизнеса. Если декларация запрета не сопровождается немедленными репрессиями или уровень репрессий недостаточен, чтобы реализовать запрет полностью, то нелегальный бизнес, который уже по определению освобождается от части издержек, свойственных легальной сфере (например, от формальных налогов), к тому же и не несет сколько-нибудь существенных затрат, связанных со страхованием риска репрессий. Чем больше разрыв между декларацией запрета и его исполнением, тем меньше издержки запрещенного бизнеса и больше прибыль, и тем большие ресурсы сосредотачиваются в распоряжении операторов нелегального рынка.

В отличие от декларации конкретные усилия по исполнению запрета оказывают на нелегальное производство в основном неблагоприятное воздействие. Поскольку и интенсивность таких усилий, и эффект от них могут быть больше или меньше, они составляют переменную часть запрета.

Абсолютная величина переменного запрета зависит от привлеченных ресурсов, технологий и интенсивности усилий исполнителей. Но его экономический смысл проявляется только в сопоставлении с величиной производства нелегального блага и с динамикой издержек на единицу выпуска, а значит, наиболее информативным

показателем переменного запрета будет его средняя величина на единицу блага.

Следовательно, при определенной величине запрета в определенный период есть возможность произвести в тот же период соответствующий объем нелегального блага. Динамика нелегального производства свидетельствует об изменении величины запрета. Таким образом, запрет оказывается не альтернативой рынка, но одним из его условий или даже фактором нелегального производства.

Переменный запрет – это минус-фактор. И чем меньше его величина, тем больше благ будет производиться при прочих равных затратах. Можно предположить, что при любой данной величине запрета эффективность нелегального производства всегда остается такова, что обеспечивает опережающее снижение предельных издержек и увеличение выпуска блага.

Ключевым понятием для оценки эффективности нелегального производства является предельный запрет. Вводя его, мы получаем возможность проанализировать закономерности динамики неформальной деятельности.

Между понятием запрета (закона) и нелегальным (незаконным) производством существует нерасторжимая связь: производство благ незаконно лишь постольку, поскольку есть запрет (закон); и наоборот, понятие о запрете имеет смысл только в том случае, если есть что запрещать. Без запрета нет нелегального производства, а без объекта запрета нет и самого запрета. Нет, например, законов в экономической сфере, значит, нет и их нарушений. Появились такие законы, возникли и нарушения как следствие этих законов. «Вообще-то, попытка регулировать техническое и экономическое развитие, – пишет Б. Свенссон, – таит в себе опасность роста преступности по той простой причине, что ныне запрещается значительно больше деяний, чем раньше»¹.

Данное суждение можно выразить алгебраически. Допустим, что реализуемый запрет $\mathbf{b}$ есть непременный фактор производства нелегального блага y и тогда при $y = 0$ окажется также и $\mathbf{b} = 0$, а вся-

¹ См.: Свенссон Б. Экономическая преступность / пер. со швед.; под ред. М. Н. Моргуновой. М., 1987. С. 24.

кое положительное значение одной из величин дает положительное значение другой.

Наличие функциональной связи между данными переменными позволяет определить, как будет меняться величина реализуемого запрета, если мы дополнительно ΔY произведем продукции.

$$MB = \Delta b(y) : \Delta Y.$$

Данная формула означает, что если выпуск нелегального блага продолжается, а величина переменного запрета не растет опережающими темпами, то предельный запрет уменьшается. Величина **b** выражает все ресурсы государства и общества, привлеченные для реализации запрета в данный момент времени. Но если в этот момент все-таки производится единица нелегального блага **Y**, то величина запрета в следующий момент будет уже **b – $\Delta b(y)$** . Иначе говоря, выпуск каждой последующей единицы блага снижает предельный запрет. Но вместе с ним снижаются и предельные издержки нелегального производства, которые являются функцией запрета, что, в свою очередь, способствует нарастающему увеличению выпуска и дальнейшему снижению величины реализованного запрета.

Соотношение между величиной нелегального выпуска и различными формами запрета можно проследить при помощи графика функции предельного запрета (рисунок 3).

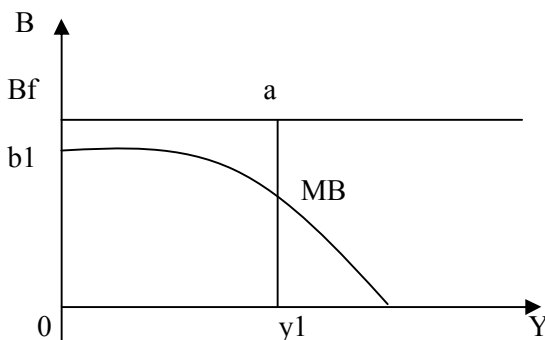

Рис. 3. График функции предельного запрета

Если на оси абсцисс показать количество произведенной продукции **Y**, а на оси ординат — величину запрета **B**, то постоянный запрет **Bf** будет выражен горизонтальной прямой.

Допустим, что начальные факторы реализуемого, переменного запрета **b** – привлеченные ресурсы, технология и т. д. – в момент принятия запретительного закона были на наивысшем, возможном уровне **b1** и поддерживаются на этом уровне постоянно, но не могут быть увеличены. Но как бы начальные ресурсы запрета не были высоки, их всегда недостаточно, чтобы обеспечить полную реализацию запрета – иначе запрет превратился бы в моментальную акцию, не имеющую экономического содержания.

Если же запрет нельзя реализовать полностью, то уже первый, сколь угодно малый выпуск нелегального блага будет означать относительное снижение величины реализованного запрета, и, следовательно, кривая предельного запрета будет иметь отрицательный наклон. А так как издержки запрещенного производства при этом прогрессивно сокращаются, то наклон кривой **MB** будет тем круче, чем выше темпы развития нелегального бизнеса.

График функции запрета позволяет наглядно изобразить и другую важную зависимость: площадь **b1 MB y1 O** выражает величину реализованного запрета при величине производства **y1**, а площадь **b1 Bf a MB** – величину запрета, нереализованного по крайней мере при данных его переменных характеристиках и при данном уровне производства.

Так как кривая предельного запрета показывает величину запрета, реализуемого при каждой дополнительной произведенной единице блага, то при сложении последовательно величины запрета, реализованного при производстве каждой единицы блага, получим общую величину исполненного переменного запрета. Алгебраически эту зависимость можно выразить следующим образом:

$$B_v = MB(y-1) + MB(y-2) + \dots MB(0).$$

Каждый член этой суммы представляет собой площадь, равную величине (эффективности) запрета, реализованного при выпуске одной единицы блага.

Таким образом, график наглядно показывает, что если индивид стремится максимизировать прибыль, увеличивая выпуск блага, а усилия исполнителей запрета остаются на неизменном, хотя бы и сколь угодно высоком уровне, то эффективность реализованного запрета постоянно сокращается.

Возвращаясь к предложенной нами формуле для определения дохода от неформальной деятельности, можно утверждать, что реализованный запрет не что иное, как величина потерь **KD**, которые несет индивид в результате неформальной деятельности. Следовательно, разность **LP-KD** на определенном этапе развития рынка приобретает положительное значение, а значит и доход **R** от неформальной деятельности будет величиной положительной. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что неформальная деятельность оказывается в условиях, благоприятных для существования и развития.

Можно с уверенностью утверждать, что государственное регулирование экономических процессов вносит существенные корректировки в поведение экономических агентов.

Соответственно, модель экономического поведения индивида с учетом институционального контекста, в котором он вынужден принимать во внимание не только собственные предпочтения, но и институциональные ограничения, можно представить схемой (рисунок 4).

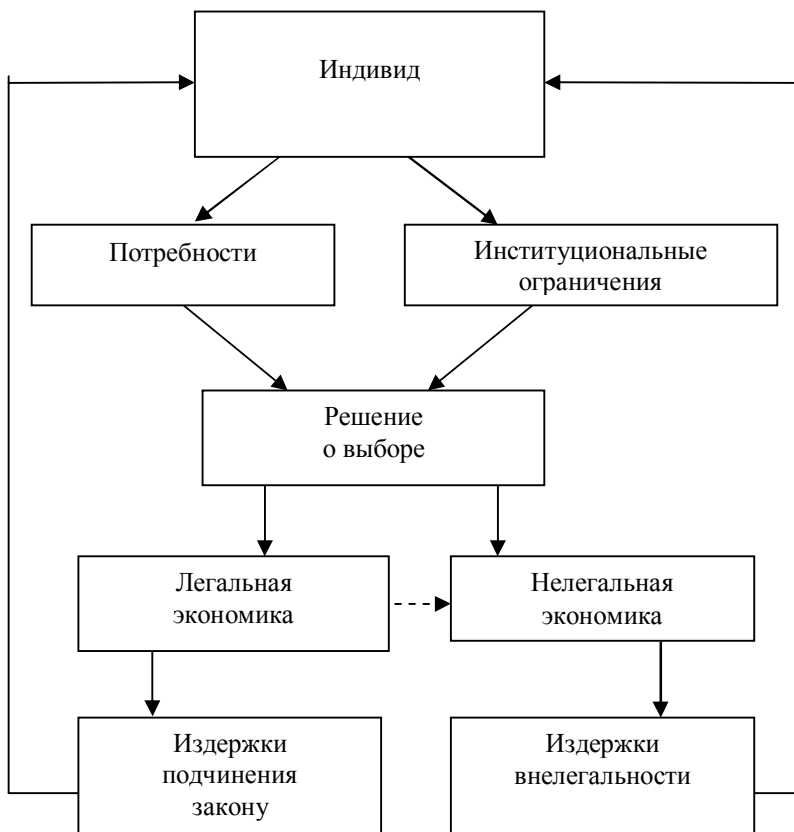

Рис. 4. Модель экономического поведения индивида с учетом его институциональных ограничений

Предложенная модель предполагает два варианта поведения индивида в условиях институциональных ограничений.

1. Если основные потребности индивида удовлетворяются в условиях сформированного институционального пространства, то его основная деятельность осуществляется в рамках легальной экономики. Доля нарушений экономических норм незначительна и связана в основном с такими особенностями человеческой природы, как склонность к оппортунизму, ограниченная рациональность, экономическая культура.

2. Если государство для достижения собственных целей применяет не приемлемые для экономических агентов меры, ведущие к увеличению издержек деятельности в рамках легальной экономики, то экономическая деятельность переходит в нелегальную сферу, а издержки подчинения закону замещаются издержками внезаконности.

Заключение

В результате проведенной работы мы пришли к ряду выводов, ключевым из которых является актуальность и востребованность экономической социологии в противодействии преступности и преступному поведению. Ее роль, прежде всего, заключается в исследовании и анализе социальных и экономических факторов, которые влияют на уровень преступности в обществе. Экономическая социология изучает взаимосвязь между экономикой и социальными отношениями, а также как эти отношения могут влиять на возникновение преступлений.

Исследования экономической социологии позволяют выявлять факторы, способствующие преступному поведению, среди таких факторов может быть неравенство доходов, безработица, экономические кризисы и социальное неравенство. Глубокое изучение особенностей этих факторов способно разрабатывать новую государственную политику, а также программы, направленные на снижение преступности.

Экономическая социология способна изучать социальные и экономические последствия преступлений. Среди последствий, связанных с преступностью, могут быть экономические потери, а также оценка эффективности различных стратегий противодействия преступности.

Если государственные служащие, чиновники и руководители правоохранительных организаций используют результаты исследований экономической социологии в политике противодействия преступности, появляется перспектива создания эффективных и устойчивых механизмов борьбы с преступностью.

Применение результатов исследований экономической социологии позволяет правительству и государственным органам разрабатывать эффективные стратегии по борьбе с преступностью. Например, с помощью анализа данных и статистики, полученных в рамках исследований, можно определить основные причины и условия, способствующие преступности, и разработать меры по их предотвращению.

Таким образом, использование результатов исследований экономической социологии в политике противодействия преступности

позволяет создать более эффективную и целенаправленную стратегию, учитывающую экономические и социальные факторы, влияющие на преступность. Это может привести к снижению уровня преступности и созданию более безопасного общества.

Список рекомендуемой литературы

1. Гордиенко, В. В. Влияние социально-экономических условий городской среды на уровень преступности / В. В. Гордиенко, С. Н. Логинов, М. С. Маслов // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1 (176). – С. 468–469.
2. Гордиенко, В. В. Государственное воздействие на институциональный выбор между формальной и неформальной экономической активностью в современной России : дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.01 / Гордиенко Вячеслав Владимирович. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2002. – 147 с.
3. Де Сото, Э. Невидимая революция в третьем мире / Э. Де Сото. – Москва : Catallaxy, 1995. – 319 с. – ISBN 5-86366-009-0.
4. Долгова, А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. – Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с. – ISBN 5-87817-036-1.
5. Заславская, Т. Н. Социология экономической жизни: Очерки теории / Т. Н. Заславская, Р. В. Рывкина; отв. ред. А. Г. Аганбегян. – Новосибирск : Наука, 1991. – 442 с. – ISBN 5-02-029106-4.
6. Карпец, И. И. Преступность: иллюзии и реальность / И. И. Карпец. – Москва : Рос. право, 1992. – 431 с. – ISBN 5-7260-0577-5.
7. Латов, Ю. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты» в гостях у криминологов) / Ю. Латов // Вопросы экономики. – 1999. – № 10. – С. 60–75.
8. Мэнкью, Н. Г. Принципы экономики / Н. Г. Мэнкью. – С.-Петербург : Питер Ком, 1999. – 784 с. – ISBN 5-314-00161-6.
9. Рывкина, Р. В. Между социализмом и рынком; судьба экономической культуры в России : учебное пособие / Р. В. Рывкина. – Москва : Наука, 1994. – 239 с. – ISBN 5-02-010844-8.
10. Тимофеев, Л. М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли / Л. М. Тимофеев. – Москва : Российский гос. гуманитар. университет, 1998. – 110 с. – ISBN 5-7281-0093-7.
11. Тищенко, Е. В. Преступность и культура / Е. В. Тищенко // Философия права. – 2017. – № 4 (83). – С.123–127.

12. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / О. И. Уильямсон. – С.-Петербург : Лениздат, 1996. – 702 с. – ISBN 5-289-01816-6.
13. Ходжсон, Дж. Привычки, правила и экономическое поведение / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 39–55.
14. Экономическая социология и перестройка / общ. ред. Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной. – Москва : Прогресс, 1989. – 228 с.
15. Becker, H. S. Outsiders: studies in the sociology of deviance / H. S. Becker. – New York, 1963. – 179 p.
16. Gould, R. Collision of Wills: How Ambiguity about Social Rank Breeds Conflict / R. Gould. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 224 p. – ISBN 0-226-30548-1.

Учебное издание

Войтов Александр Владимирович
Гордиенко Вячеслав Владимирович

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
И ПРЕСТУПНОСТЬ:
ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Учебное пособие

Редактор *А. М. Мачнева*
Компьютерная верстка *Н. А. Доненко*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 27.09.2024. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 4,8. Усл. печ. л. 4,4.
Тираж 50 экз. Заказ 48.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.